

ДВОРЕЦ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Когда едешь по улицам Пекина, то еще издали можно увидеть врезавшийся в голубое небо позолоченный шпиль с рубиновой звездой. Затем появляется белоснежная башня и, наконец, величественное здание, касающееся глаз своей белозной и праздничной торжественностью. Это Выставка экономических и культурных достижений СССР.

Перед фасадом выставки полукругом раскинулась аркада; в верхней части каждой арки — герб одной из союзных советских республик. По обе стороны главного входа с резными колоннами, увенчанными скульптурной группой, большие цветные панно. На одном из них китайскими иероглифами выведено «Мир», на другом — «Дружба». На башне блистят под лучами солнца Государственный герб Советского Союза, а еще выше золотятся четыре буквы — «СССР».

О монументальности здания можно судить по следующим данным: при отделе здания выставку уложено более 9 тысяч квадратных метров мрамора и гранита. Павильон вмещает одновременно 80 тысяч человек.

Через главный вход мы попадаем в восточный зал, потолок которого украшен фресками. На стенах — картины советских мастеров живописи. За восточным залом расположен зал промышленности, справа — зал культуры и искусства, слева — зал сельского хозяйства.

Заканчиваются работы в летнем театре на три тысячи мест и кинозале, где будут демонстрироваться советские кинокартины. Выставочный павильон выдержан в духе лучших традиций русского классического и советского зодчества. В то же время он несет в себе талант и мастерство, опыт и художественный вкус китайских умельцев.

Строительство выставки выдвинуло в яркую демонстрацию советско-китайской дружбы. Работе одной из пекинских мастеров художественных изделий изготовили для павильона гербы 16 союзных республик. По своей собственной инициативе они отделили позолоченные части гербов агатов. «Эти гербы», — сказал один из рабочих, — будут всегда сиять, как сияет советско-китайская дружба. Мастера Цань Дэ-шюань, Чжан Ли-чжао и Ню Лян-дэн произвели позолоту шпилья. 63-летний Цань Дэ-шюань занимается позолотой сорок лет. «Раньше я золотил медные башни императорских дворцов», — сказал он, — теперь впервые в жизни на старости лет тружусь с таким большим удовольствием, потому что работаю на пользу дружбы двух великих народов».

Уже сейчас число пекинцев, сделавших заявки на посещение выставки, перевалило за миллион. Такие же заявки непрерывным потоком поступают со всех концов Китая. Выставка откроется в начале октября.

В. СИДЕХМЕНОВ

ПЕКИН, 1 октября. (По телеграфу)

Певец свободы

«Мы добровольно посвятили себя делу отстаивания народных прав», — писал Михаил Налбандян, выдающийся армянский мыслитель-материалист, просветитель, поэт и публицист, едному из великих русских революционных демократов. Эти слова характеризуют направление его общественно-политической и литературной деятельности.

Вместе с Чернышевским и его соратниками М. Налбандян горячо защищал дело революционной борьбы народов России против царизма. Он особенно дорог армянскому народу своими пламенными выступлениями против буржуазных националистов и за укрепление дружбы армянского и русского народов.

М. Налбандян оставил ценные труды по вопросам материалистической философии, языкознания и литературоведения, перевел на армянский язык русских и западноевропейских писателей, произведений в прозе и стихах.

Слобода! Восклицанию я, Пусть гром над головою грянет, Огня, железа не боюсь, Пусть злобный враг мне сердце ранит, Пусть казнию, виселица пусть, Столбом позорным кончу годы, Не перестану петь, звать И повторять: Свобода!

Царские власти заключили его в Петропавловскую крепость, а затем отправили в ссылку, где он умер, замученный плечами. Память о М. Налбандяне свято чтит общественность Армении, где сейчас разворачивается подготовка к 125-летию со дня его рождения. Образована правительственная юбилейная комиссия, в состав которой вошли писатели, критики, деятели науки, искусства, партийные и советские работники. Возглавляет комиссию председатель Совета Министров Армянской ССР тов. А. Кочинян.

Юбилей М. Налбандяна, который будет отмечаться в декабре 1954 года, — большое событие в культурной жизни нашей республики, — сказал корреспонденту «Литературной газеты» А. Кочинян. К этому дню широко готовятся общественные, научные и литературные организации. Союз советских писателей созывает специальный пленум, посвященный жизни и литературной деятельности писателя-демократа. Академия наук Армянской ССР и педагогические высшие учебные заведения республики проведут научные сессии. На заводах и фабриках, в колхозах, совхозах и МТС, учебных заведениях будут прочтены лекции о жизни и революционной деятельности М. Налбандяна. Экспонаты большой выставки, которая откроется в Ереване, расскажут посетителям о жизни и деятельности М. Налбандяна, его революционных и литературных связях.

Юбилейная комиссия утвердила план изданий произведений М. Налбандяна и литературы о нем. К юбилею выйдут первый том двухтомника избранных произведений писателя на русском языке, отдельные издания его работ: «Земледелие, как правильный путь», «Две строчки», «Критика «Сос и Варантер», «Гельм и его время», стихотворения, сборник статей и брошюры о жизни и деятельности писателя на армянском и русском языках. В 1955 году начнется издание академического полного собрания сочинений М. Налбандяна в пяти томах.

Принято решение установить памятник Налбандяну в Ереване. День юбилея будет отмечен торжественными заседаниями в городах и районных центрах Армении. В праздновании примут участие гости из братских республик.

Ю. МАРЯН

ЕРЕВАН. (По телефону)

Восток и Юг

Доменные печи, отражаясь в воде, стоят у самой бухты. У причалов — пароходы. Они привезли из Керчи, с Камыш-Буружской фабрики агломерат — спеченную пылящую железную руду. Огромные запасы ее. Они лежат на самой поверхности Керченского полуострова. Черный, скользко хочется! На этой сырьевой базе и построен металлургический гигант нашего юга — Азовсталь. Он дороже своих восточных собратьев — Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов. Но и у этого комбината за многие годы уже укрепилась своя производственная слава, накопился свой трудовой традиция, имеются свои постановочные кадры специалистов и рабочих, которым дорога репутация комбината. Его недаром ведь стали называть Магниткой юга.

И вот возникает вопрос: как же сейчас работают южане, много ли они дают металла по сравнению со своими восточными собратьями? ...Мост через реку Бальмицу ведет на территорию Азовстали. Доменные печи стоят недалеко от широкого асфальтового полотна дороги. По крутой лестнице поднимаемся на дому, идем на ее командный пост. Это большая комната, на стенах — мраморные плиты с приборами. Над ними портрет старейшего русского домнника, академика Михаила Александровича Павлова. Прищурившими близорукими глазами он смотрит на сияющий за столом молодого человека в синей свитке — мастера доменной печи Анатолия Шукула, склонившего над книгой сутулых плечиков. В 1952 году Шукул окончил Киевский политехнический институт. На Азовстали молодой специалист сначала

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 118 (3302) Суббота, 2 октября 1954 г. Цена 40 коп.

Пекин, 1 октября

И только что вернулся с площади Тяньаньмынь. В глазах стоит нескончаемый поток знамен, лозунгов, плакатов. В ушах звучат марши, песни, приветствия, здравия. И над всем этим — взволнованные, ликующие человеческие лица. Нет слов, чтобы рассказать обо всем этом. Я набросал лишь несколько штрихов.

Трибуны заполнились за час до начала парада. Здесь были члены ЦК Коммунистической партии Китая, руководители различных демократических партий, депутаты Всекитайского собрания народных представителей, Герои труда, Герои Народно-освободительной армии, ученые, работники литературы и искусства...

Заняли свои места советские гости. Среди них мы видим деятелей культуры, артистов Государственного ансамбля народного танца СССР. Здесь гости, приехавшие на великий праздник китайского народа из стран Азии, Тихого океана, Европы... Это — дружба Китая.

Замерли на площади части Народно-освободительной армии, слушатели восточной академии, курсанты военных училищ. В углублении площади затаили тысячи пионеров с цветами в руках. Позвонили пионерскими галстуками, они напоминали цветочную клубку.

Время приближается к десяти часам. И вдруг цветочная клубка превращается

С. ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР

Незабываемый день

Мне выпало счастье присутствовать на торжестве провозглашения Китайской Народной Республики. С тех пор прошло пять лет. Но эта незабываемая картина отчетливо стоит перед моими глазами. Площадь Тяньаньмынь. Всюду знамена, алые звезды, транспаранты. И вдруг торжественный возглас сотен тысяч людей. Они приветствовали извивившиеся над площадью государственные флаги Китайской Народной Республики. С этого дня шестисотмиллионный народ вступил в новую эру — эру свободы и независимости, счастья и процветания.

Пять лет — срок небольшой. Мы, советские люди, свидетели провозглашения Китайской Народной Республики, ныне с гордостью отмечаем успехи наших друзей. Китай верной поступью идет по пути демократии и социализма.

Заоеканские враги мира и демократии пытаются игнорировать завоевания китайского народа. Но сама жизнь заставит их считать это совершившимся фактом. Женевское совещание показало, как высок авторитет Китайской Народной Республики в международных делах. Спокойная уверенность, звучавшая в выступлениях китайского представителя, отразила самый дух могучего творческого подъема, который живет сейчас китайский народ. Все, кто способен реально понимать исторический процесс, отдадут себе отчет в том, что нет в мире такой силы, которая заставила бы свернуть освободившийся Китай с избранного им пути. Люди Китая, смеющиеся своими силами отвоюет себе свободу, за пять лет существования своего государства доказали, что они столь же мужественные и талантливые строители, сколь и стойкие бойцы.

Мы от души радуемся каждому успеху китайских друзей. Каждое сообщение о победе китайского народа на трудовом фронте вызывает у нас гордость и восхищение.

Мы крепко обнимаем своих друзей и желаем им неиссякаемых сил, бодрости и удачи в великом деле построения социализма.

С. КОЖЕВНИКОВ,
соответствующий корреспондент
«Литературной газеты»

в цветочный вихрь. Люди на трибунах подняли вверх руки и во весь размах стали аплодировать.

На трибуну Тяньаньмынь поднимались Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ, Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Чэнь Юнь и другие руководители правительства и компартии Китая, а также руководитель советской правительственной делегации Н. С. Хрущев, члены делегации И. А. Булатини, А. И. Микоян, Н. М. Шерини, главы правительственных делегаций стран народной демократии. С каждой секундой аплодисменты нарастали. Усиливался и цветочный вихрь на площади. Из репродукторов вырвались и наполнили всю площадь торжественная песня. А когда она смолкла, за Южной стеной раздался артиллерийский залп, за ним второй, третий...

Министр обороны Пин Дэ-хуэй принял парад и зачитал приказ. По древней площади, чередуясь, прошли торжественным маршем слушатели военной академии, курсанты училищ, части общественной безопасности, кавалерия, мотопехота, десантные и артиллерийские части. В небе появились реактивные самолеты. Они пролетали звенящими с такой быстротой, что глаз едва успевал запечатлеть их. На площадь вступили танки. А в небе везтели и летели самолеты.

Это было грандиозное зрелище. Шла армия-победительница. Шли люди, которые завоевали свободу своей родине, которые никому не позволят помешать движению китайского народа вперед, по пути процветания. Мы видели на праздничной демонстрации могучий народ, жизнедеятельный и одухотворенный, знающий свои истинные силы. Это спокойное сознание своей мощи было хорошо выражено в праздничном приказе министра обороны КНР. В приказе говорится: «...борьба за освобождение Тайваня является еще не завершающей задачей китайской народно-освободительной войны. Освобождение Тайваня есть почетная задача, возложенная на Китайскую Народно-освободительную армию. Наша армия, всецело опираясь на народ нашей страны и удаваяя свои усилия, должна непременно добиться освобождения Тайваня из-под гнета американского империализма и предательской клики Чан Кай-ши и не прекращать борьбы, пока цель не будет достигнута. Наша борьба является справедливой, и мы непременно добьемся победы».

Демонстрация трудящихся Пекина открыла 1.300 знаменцев. Сотни алых пятизвездных полотнищ торжественно плыли по площади. Транспаранты провозглашали: «Да здравствует Китайская Народная Республика!», «Да здравствует Коммунистическая партия!», «Да здравствует Конституция!».

Вышли на площадь школьники. И она расцвела, как весенний ковер. Через мгновение расцвело и небо. Визжали в облаках сотни шаров: белых, голубых, розовых, красных. Они медленно поднимались все выше и выше. Вдогонку им дети пустили голубей. Птицы, однако, предпочли иной маршрут — они полетели прямо к Тяньаньмыню, и тотчас же золотистая крыша как бы покрывалась десятками белых шелковых платков.

Дети хором кричали: «Да здравствует мир!».

В демонстрации участвовали 140 тысяч рабочих Пекина. Они шли через площадь, неся макеты своей продукции и диаграммы, которые показывали, как успешен их

труд, лозунги, которые призывали превратить Китай в индустриальную страну. Шахтеры несли на плечах отбойные молотки, ткачи шли в белых фартуках, металлурги несли макет доменной печи. Призывы, здравия! заполняли всю огромную площадь. Беспорядочно гремело: «Вань-суй!» — и каждая колонна провозглашала: «Чжу-Су юхао вань-суй!» — Да здравствует советско-китайская дружба! На транспарантах, которые несли участники демонстрации, были написаны теплые слова приветствия народам, помогающим Китаю строить социализм. Колонны требовали: «Освободить Тайвань!», «Бороться за мир в Азии и во всем мире!».

Никогда не забыть этой демонстрации, столь яркой по своим краскам, изобретательной по оформлению и столь многолюдной. Люди шли с горящими глазами, аплодировали во весь размах рук, приветствовали или призывали во весь силу голоса.

Когда я сказал об этом одному пекинцу, он ответил мне: «А разве могло быть иначе: ведь мы, пекинцы, принесли на площадь Тяньаньмынь сердца шестисот миллионов человек. И каждое из них полно радости и мужества, полно счастья и надежды. Мы отмечаем первые счастливые пять лет в пятидесятилетней истории нашего народа».

ПЕКИН, 1 октября. (По телеграфу)

Н. ЧЕРКАСОВ,
народный артист СССР

К свеплому будущему

Великий патриот Лу Синь с горечью писал когда-то, что голос его страны, в которой проживает полмиллиарда человек, не слышен в мире.

Так было. А ныне на всей нашей планете слышна поступь свободного народа. Китайская Народная Республика с чувством спокойного достоинства вышла на международную арену, китайский народ строит свое социалистическое государство.

С глубоким волнением встретили советские люди весть о принятии Всекитайским собранием народных представителей Конституции Китайской Народной Республики. Эта весть вызвала особое чувство у нас, деятелей советской культуры, которые имели счастье побывать в стране великого народа, увидеть его в труде и борьбе.

В памяти вновь и вновь всплывают незабываемые месяцы, проведенные осенью 1952 года в столице Китая — Пекине, в городах севера и востока, запада и юга древней страны. В часы незабываемых встреч с рабочими, крестьянами, молодежью, деятелями культуры и искусства увидели мы тогда во всей красоте величие советско-китайской дружбы.

Дорогие китайские друзья и товарищи по искусству! В дни славного праздника — пятилетия Китайской Народной Республики — желаем вам дальнейших успехов в благородном служении своему народу. Помните, что в лице деятелей советского искусства вы имеете искренних друзей, верных помощников и братьев. Будем же стремиться к тому, чтобы еще больше укрепить и развить дружбу между нашими странами, ибо в этой дружбе — мир во всем мире, благополучие и счастье всего человечества. Мы, деятели культуры, гордимся этой дружбой. Мы горячо верим в дальнейшие успехи китайского народа.

Перешагнув через пятилетний рубеж, Китайская Народная Республика семимиллионными шагами устремляется к своему светлому будущему. Да здравствует великий китайский народ! Да здравствует вечная дружба между нашими народами!

Международные отклики

Среди многочисленных комментариев, откликов и статей, которые зарубежная печать посвящает в эти дни встрече представителей девяти держав в Лондоне, можно процест и небольшое сообщение агентства Ассошиэтед Пресс. Лондонский корреспондент агентства отметил, что 30 сентября до начала заседания Аденаур пожал руку Даллесу и «сердечно поблагодарил его».

Что же так растрогало боннского канцлера? Судя по всему, Аденаур был умилен заявлением, сделанном государственным секретарем США накануне. Даллес с явным раздражением напомнил о «разочаровании», которое вызвали в Вашингтоне события в Европе (речь идет об отказе Национального собрания Франции ратифицировать парижский договор. — Лит.). Говоря об американской политике в Европе, Даллес заявил, что она якобы находится в соответствии с преобладающим в Европе «климатом».

Американские правящие круги не в первый раз прибегают к давлению на Францию и другие западноевропейские страны, чтобы добиться того, что Даллес называет «единообразием и сплоченностью», иными словами — послушанием «климату» в Европе, то есть подчинением высшему «климату» в Вашингтоне, то есть подчинением воле американских милитаристов. Это особенно сильно ощущается в дни лондонского совещания. Не случайно жители британской столицы встретили Аденаура перед зданием Ланкастер-хауса криками: «Больше не должно быть войны!», «Долой нацистов!», «Мы хотим сохранить жизнь наших детей!», «Мы хотим мира!».

О настроении в Англии можно судить и по результатам голосования резолюции исполкома лейбористской партии по германскому вопросу на ежегодной конференции в Скарборо. Правому руководству партии удалось протратить резолюцию, поддерживающую перевооружение Западной Германии, лишь незначительным большинством голосов, и то ценой сложных закулисных маневров.

Во Франции миллионы людей требуют отказа от политики возрождения германского милитаризма. Ежедневно на имя французского премьера Мендеса-Франса в Лондон прибывают десятки тысяч писем трудящихся, протестующих против перевооружения Германии. В телеграмме, посланной французскому премьеру федерацией профсоюза шахтеров, говорится: «Французские шахтеры, выступающие против вооружения Германии в какой бы то ни было форме, требуют от вас действий, направленных на мирное урегулирование германской проблемы и на заключение пакта о коллективной безопасности со всеми европейскими странами».

Неудивительно, что «климат» в Европе внушает беспокойство адвокатам вермахта. Американская печать сетует по поводу того, что даже принятие угодного США решения на совещании в Лондоне не будет означать успеха для американских планов. Английская газета «Ивингинг стандарт» напоминает, что окончательная цель «не может быть осуществлена, пока на это не даст согласия французское Национальное собрание. В Лондоне», — подчеркивает газета, — это согласие не считают само собой разумеющимся».

Вот почему английская дипломатия занимается сейчас лихорадочными поисками такого обрамления для планов Даллеса, которое могло бы хоть немного умерить беспокойство западноевропейской общественности. Как известно, Иден дал заверение от имени Англии «теснее связаться с континентом» и содержит там в течение 44 лет четыре дивизии и соединения тактической авиации. «Новый» план Идена, как подчеркивают некоторые наблюдатели, это старая попытка поощрять Западную Европу некие «гарантии».

Но горький опыт истории говорит о том, что такого рода «гарантии» на деле ничего не гарантируют перед лицом реальной угрозы возрождения германского милитаризма. Не мешает вспомнить и о том, что бонские милитаристы уже выдвигают требования довести численность своей армии до 60 дивизий в ближайшие годы.

Впрочем, не только на европейском континенте, но и в самих Соединенных Штатах Америки трезво мыслящие люди отдают себе отчет в серьезности угрозы, которую таят в себе любые планы перевооружения Западной Германии. На днях либеральный американский журналист Стоун писал в издаваемом им бюллетене: «Вся идея вооружения Германии для защиты от чего-то является преступным безумием... Мы готовы вооружить народ, в слишком большой степени управляемый теми же людьми, которые создали Далхау и Бухенвальд, крематории и млыло из человеческой крови. Вокруг старой лисы из Кельна (имеется в виду Аденаур. — Лит.) собралась орастая толпа же нацистской и милитаристской клики».

ЛИТЕРАТОР

Встречи с зарубежными писателями

На днях в Союзе советских писателей состоялась встреча московских литераторов с руководителем делегации индийской кинематографии, известным писателем Ахмедом Аббасом. Советские читатели знакомы с творчеством А. Аббаса по рассказам «Строитель Бунаду», «Господин полицейский инспектор», «Чудо», «Неповиновение» и другим, опубликованным в журналах, а также в сборнике «Индийские и пакистанские рассказы».

Ахмед Аббас интересовался структурой и деятельностью секции и комиссии Союза советских писателей, работой с молодыми авторами, изданием и тиражами советских книг за рубежом.

Отвечая на вопросы гостя, Б. Полевой сообщил, что только за три последних года за границей издано более семи тысяч советских книг тиражом, превышающим 90 миллионов экземпляров. По просьбе А. Аббаса он рассказал также о творчестве писателя братских республик.

В заключение беседы А. Аббас высказал уверенность в том, что кинофестиваль индийских фильмов в СССР явится новым вкладом в дело укрепления дружественных отношений между Индией и Советским Союзом.

Вчера в Москву по приглашению Союза советских писателей СССР прибыла делегация индийских литераторов. В ее составе прозаики Гунар Адольфсон и Ларс Али, поэт Карл Венигер, драматург Сивар Арнер.

На Ленинградском вокзале гостей встречали представители литературной общественности Москвы. Во время своего пребывания в Советском Союзе индийские писатели ознакомились с жизнью писательских организаций, побывали на предприятиях, в учебных заведениях, детских учреждениях и театрах страны.

Секретарь партийной организации доменного цеха Николай Иванович Савелов, которому я задал этот вопрос, пожал плечами:

— На Техническое управление Министерства черной металлургии, конечно, можно сослаться. И формально мы будем правы: оно провело консерватизм. Однако и сами мы сильно виноваты. Кузнечные беремся за прогрессивный метод работы на домнах и доказывали свою правоту. Наши же технические руководители такой инициативы не проявляли, они жалки указанным сверху. Да вот посудите сами: то же произошло и с другой новинкой в доменном деле — с переводом печи на высокое давление под колонником. Инициатива снова принадлежит магнитогорцам. И тут мы опоздали... А самая главная беда, видно, в том заключается, что мы не изучаем опыта своих старших собратьев: магнитогорцев и кузнечан. Никто не позаботился о передаче их опыта, мы были предоставлены самим себе и вынуждены были решать уже решенные задачи. Ну и, к сожалению, как говорят, под лежачий камень вода не течет. Долгое время мы были инертны к новым камням.

Николай Иванович подошел к окну, постоял некоторое время и сказал, кивнув на видневшиеся дома:

— И уж если говорить начистоту, то должен добавить. Знаете, беда наша заключается в сырых материалах: неровная шихта, в коке много серы... А возьмите магнитогорцев; у них, говорят, каждый кусок руды моят, измеряют, исследуют. Что там ни говори, а узнать, как они работают, — это все же самое главное для нас... Нет, нет, не ждите в министерстве за обмен опытом!

Обмен опытом, передача его, завод — заводу, фабрика — фабрике — ведь это же одна из основ нашего социалистического хозяйства. Почему же так разрозненно друг от друга действуют схожие по производству предприятия? Что это — инерция, лень, последствие текучки? ... Отвеча на этот вопрос я искал и на другом металлургическом гиганте юга — Запорожстали.

Домны этого завода работают на те же легкое и на кривокожеской руде. Это руде восстанавливаемое, с богатым содержанием металла, красивые железники.

Но снова зашел разговор о сырье, о его качестве. В лабораторию исследования сырых материалов пожилой, худощавый человек с резкими чертами лица, Николай Петрович Байстро, старый доменщик, сказал:

— Наши домны работают хуже, чем могли бы. Об этом говорят опыты Магнитогорка. Мы от них сильно отстали. А почему? Разве наши домны технически менее совершенны, чем магнитогорские?

Недолгая пауза. Николай Петрович продолжает:

— Вы, конечно, знаете знаменитые слова Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача». А вот мы — металлурги юга — ждем от природы милостей. Да, ждем! Ухудшилась кривокожеская руда, и нам говорят: «Такова природа этой руды». В коке стало больше серы, и мы миримся с этим: «Такова природа доменного угля». Но разве мы не знаем способов изучать природные качества руды, кока? Магнитогорцы это смог сделать, а у нас об этом только разговаривают. Результат: они работают ровню, у нас — лихорадка.

И видно, у человека много нахлеще, он перебарывается сразу на другое, на то, что требует и металлургов Азовстали.

Министерство — это наш технический штаб, — говорит Байстро. — Штаб должен знать, куда вести войска, соответственно их готовить и вооружать. А что происходило на самом деле? Сначала Тех-

ническое управление запрещало нам вводить какие-либо новшества, а затем сделало поворот на 180 градусов, скомандовало: «Вводите!»; но как это сделать, об этом не сказали. Мы вслепую повысили давление — и не позабодились о механизмах. Если бы мы знали, как действовали магнитогорцы, нам, вероятно, не приходилось бы ежедневно менять форму, холодильники и так далее. Печи работали бы спокойно... Что мы знаем об опыте Магнитки? Попробуйте найти хотя бы одну книжку, брошюру или обстоятельную техническую статью о методах работы на домнах Магнитки или Кузнецкого комбината...

Он, видимо, коснулся больной жилки, — Николай Петрович не может жить без литературы по своей профессии.

Наше министерство имеет издательство. Но у нас ред лет не печатают ничего нового. Существует всего лишь один журнал по металлургии. Он рассчитан на квалифицированный состав инженеров и научных работников. А что читать мастеру-практику, горновому, газопыльщику? Существует журнал «Рабочий-металлург», но он уже давно не выходит. На крупных заводах выпускались научно-технические сборники, и их выпуск прекратился...

Он помолчал.

— Есть еще один способ передачи опыта — личное общение. Стучается, что к нам приезжают инженеры с других заводов или мы попадаем на другие заводы. Но серьезного творческого разговора доменщиков не было уже много лет. Последнее всеобщее совещание доменщиков произошло в мае 1946 года. Часто читаешь в газетах о научных конференциях людей разных специальностей. А вот конференция металлургов не было восемь лет. Как будто нам и поспонить не о чем!

Передача опыта, творческое общение коллективов передовых металлургических предприятий страны — это серьезная проблема, решить которую следует как можно быстрее. Ведь до анекдота доходит, когда, например, южане, желающие пообщаться с опытными мастерами металлургии восточных заводов, ищут их в садоводстве в Жданове, где иногда отгадывают работники Магнитки и Кузбасса. Так «выловленные» случайно инженер Р. Работник Магнитогорского комбината, прощел азовстальцам две лекции о новых режимах работы домен. Ну, а если бы профсоюз дал тов. Р. путевку на отдых, скажем, не в Жданов, а в Сочи, тогда как быть? ...

Металлургия вступила в новый этап развития, меняются методы и приемы работы на доменных печах. При этих условиях взаимное изучение опыта имеет исключительное значение. Ведь то, что сделано до сих пор, — лишь начало. Поиски новых путей совершенствования процессов продолжают. Возмоздно, что уже завтра достигнутые магнитогорцами коэффициенты не будут чем-то исключительным.

— Партия потребовала от нас, металлургов, интенсификации металлургических процессов, — говорил нам начальник доменного цеха Запорожстали Борис Лазаревич Тавог. — Новые технологические приемы, несомненно, себя оправдали. Но возможности, открываемые новыми методами, еще не изучены и далеко не исчерпаны. Успех зависит от того, насколько широко развоятся будут инициатива и самостоятельность работников всех звеньев: от горнового и газопыльщика до нас, начальников цехов. Только тогда мы начнем давать на тех же печах гораздо больше чугуна, чем даем теперь.

И. ПЕШИН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

гор. ЖДАНОВ — ЗАПОРОЖЬЕ.

ВЗЫСКАТЕЛЬНАЯ КРИТИКА

Съезд писателей
Карело-Финской ССР

Панануне открытия второго съезда карело-финских писателей в книжных магазинах Петрозаводска появились новинки: «Очерки литературы Карело-Финской ССР». Эта небольшая книга привлекала внимание участников съезда, как первая попытка обобщить опыт молодой карело-финской советской литературы.

До Великой Октябрьской революции в Карелии — этом крае неугасших птиц и нехоженых троп, издавна служившем местом торговли и ссылки, — не было своей национальной литературы. Талант народа проявлялся в великодушных образах устного творчества. Здесь были записаны руны, которые стали основой всемирно известной эпической поэмы «Калевала». Здесь из поколения в поколение передавались поэтические русские былинки. С землей Карелии связаны имена известнейших в нашей стране народных сказителей. И сейчас, вместе с молодыми прозаиками, поэтами, критиками, в работе съезда участвовали и старейшие работники — члены Союза писателей республики Ф. Быкова, Е. Хямäläinen, М. Михеева и другие.

Отдавая путь, пройденный писательской организацией республики за четырнадцать лет со дня ее первого съезда, видишь, как росла карело-финская литература, каким благотворным для ее становления и развития было влияние литературы русского народа и литературы других братских республик, какими верными были разрозненные в свое время попытки буржуазно-националистических элементов извратить историю и представить дело так, будто карело-финская литература зародилась и развивалась без решающего воздействия литературы русской.

От первых, еще робких стихов и очерков периода гражданской войны карело-финские писатели пришли к крупным прозаическим и поэтическим произведениям.

Характеризуя этот путь, докладчик — председатель правления ССР Карело-Финской ССР Я. Ругоев — остановился на произведениях Л. Хело (Т. Гуттари), С. Норина, И. Кутасова, отразивших героический мирный труд и социалистических преобразований. Страстно и трепетно звучал голос писателей старшего поколения в годы Великой Отечественной войны. Стихи Л. Хело, проникнутые непоколебимой верой в победу советского народа, составляют одну из лучших страниц карело-финской советской лирики. В эти же годы отряд писателей пополнился новыми именами.

Особенно «урожайным» для литературы республики оказался послевоенный период. Значительно расширилась тематика, появились большие прозаические произведения: повести А. Тимонова «От Карелии до Барна», «Освещенные берега», «В зальце ветров», романы В. Чехова «На правом фланге», «Разведчики», Д. Гусарова «Белый прыжок», А. Ливневского «Беломорье», У. Викстрема «Вперед, народ трудовой» и другие. Широкое признание получила книга старого большевика А. Тайми «Страницы пережитого». Численно небольшая писательская организация создала за последние годы более десяти романов и повестей. Факт отрядный, свидетельствующий о становлении прозы в молодой литературе.

Успехи карело-финских писателей несомненны. Но и в докладе Я. Ругоева, и в содокладах о прозе и драматургии А. Тимонова, о критике и литературоведении Д. Гусарова, и в прениях основное внимание уделялось взыскательному критическому анализу произведений.

Рассказывая о съезде, хочется в первую очередь отметить именно эту взыскательность, строгую требовательность, продиктованную глубокой заинтересованностью в успешном развитии литературы. И особенно хорошо, что эту заинтересованность проявили не только писатели. Зал, где проходили заседания съезда, был все время переполнен. Интеллигенция города, члены литературных объединений, комсомольские работники, библиотекари принимали активное участие в работе съезда, предьявляли серьезный счет литераторам.

Много внимания уделили участники съезда проблеме создания положительного героя. Слабость положительных образов в карело-финской литературе, как справедливо отмечалось в ряде выступлений, заключается в схематизме: герои многих произведений лишены живых человеческих характеров. Особенно заметно это в повестях о тружениках леса.

Лес — главное богатство Карелии. Слово «лесоруб» звучит здесь так же значительно, как «шахтер» в Донбассе. Литература не прошла мимо замечательных изменений, которые произошли в жизни лесорубов. Но часто авторы, ostensibly показывая, как внедряются новые механизмы, как по-новому организуются труд, забывают о творцах этих изменений.

Правильно отмечал Я. Ругоев, что, например, в повестях А. Тимонова изображены «не столько глубокие человеческие характеры, сколько те или иные служебно-производственные функции героев». Этот же упрек можно адресовать повестям Ф. Трофимова «Наша лесная сторона», М. Канюхова «Поток зеленого золота», поэме Б. Шмидта «Лесной поток», пьесе Я. Ругоева «Огни Маршкоски» и др. Об этом и говорилось в выступлениях А. Иванова, М. Якименко, Р. Гиншиса, московского писателя Г. Медынского.

Схематизм проявляется в однообразии и поверхностности сюжетов. Часто они сводятся к стандартному описательному столкновению между начальником лесопункта, почему-то противником новой техники, и секретарем парторганизации, весьма душевно ратующим за ее внедрение. Такой шаблон, говорил в своем содокладе А. Тимонов, объясняется просто отставанием писателя от жизни: «Жизнь идет вперед быстрее, чем события в наших книгах. Люди овладевают новой техникой, и нет сейчас человека, который ждал бы откатываться от элетрической пилы и встать за ручную».

Пожалуй, наиболее «нераспаханым» участком молодой карело-финской литературы является критика и литературоведение. Большинство имеющихся в активе журнальных статей, рецензий, исследований написано за последние 5—7 лет. За этот недолгий срок активно поработали критики и литературоведы К. Чистов, Л. Виралайнен, М. Гин, Я. Павлов, В. Иванов, Р. Миролобова, подростки молодежи. В 1950 году выпущен в свет сборник трудов юбилейной научной сессии, посвященной столетию полного издания «Калевалы».

В содокладе Д. Гусарова приводились интересные данные: если в 1947 году творчество писателей республики журнал «На рубеже» посетил только две короткие рецензии, то в 1953 году раздел критики и библиографии журнала опубликовал более 20 рецензий и статей по карело-финской литературе. Однако количественный рост не сопровождается столь же заметным качественным. Молодая карело-финская критика не стала организатором литературного процесса. Критика, как указывалось на съезде, плохо разрабатывает принципиальные вопросы развития современной карело-финской литературы, слабо разбирается в теории литературы, в частности, в проблеме типического. Серьезных упреков заслуживают и замечания о типическом, которые сделаны в глазах «Очерков», анализирующих повесть А. Тимонова «Освещенные берега» и пьесу Я. Ругоева «Огни Маршкоски».

Выступавшие на съезде товарищи приводили примеры безакадемичности ряда критических работ. Некоторые статьи попросту по «методу» простого пересказа, без анализа художественного мастерства. Для писателей и критиков республики очень важно изучить богатство устного народного творчества. Как указывали

В. Евсеев, К. Чистов, П. Моносов, сказитель М. Рабинин, делается в этом отношении пока мало. Работы по фольклору лежат в материалах без движения, статей о народном творчестве печатается явно недостаточно. В критике еще не преодолено нехорошее, схематическое отношение к тем достижениям, которые, несомненно, есть у карело-финской литературы. В этой связи на съезде назывались статьи критика Ф. Иванова.

Как и на других республиканских съездах, писатели много говорили о работе с начинающими, о необходимости бережно, заботливо помогать им. Правление ССР республики неверно понимало смысл этой помощи. И квалифицированная консультация, и практический совет начинающему поэту, и публикация его произведений — все это должно воспитывать в нем требовательность к себе, высокую принципиальность, упорство в овладении мастерством. А порой опекуны молодых пытаются облегчить их путь в литературу, снижая требовательность. Разумеется, это не может не развить в некоторой части литературной молодежи наивные, инфантильные настроения, зазнавать.

Характерный пример привел Н. Гиншис. — Начинаяющий поэт Д. Гаймаков написал стихотворение и принес его в редакцию. Там это стихотворение коренным образом «отредактировали» и опубликовали. Гаймаков принес еще одно, потом второе, третье. Опытные поэты терпеливо консультировали его, давали советы, а потом переписывали стихи от строчки до строчки. Сам же Гаймаков писал попросту плохо. Но если его стихи не попадали в печать, он считал себя обиженным.

Думается, что подобная «помощь» сбивает с пути не одного Гаймакова. Зная, что, нетерпимое отношение к критическим замечаниям явственно чувствовал в разном выступлении П. Руденко. Наблюдая сказывающиеся подобные настроения в поведении молодого поэта В. Морозова.

Руководитель делегации ССР СССР В. Друзин отметил, что писатели Москвы и Ленинграда, печатные органы ССР СССР слабо помогают писательским организациям республик, а например, писатели Карело-Финской ССР нуждаются в постоянной и всесторонней помощи.

— Некоторые московские писатели, — заметил директор Государственного издательства КФССР И. Моносов, — несколько «своеобразно» понимают существо помощи писательским организациям национальных республик. Связь этих писателей с республикой сводится подчас к их настоятельному требованию переиздать собственные произведения.

На съезде раздалась справедливая упрямка в адрес «Литературной газеты», которая плохо освещает жизнь карело-финских писателей. Напечатанная в газете рецензия А. Ладина на сборник стихов Я. Ругоева, по мнению многих участников съезда, была написана в недружелюбном, неверном тоне.

Следует сказать, что деловая атмосфера съезда, острая критика, развернувшаяся в прениях, в значительной степени были определены содержательными докладом и содокладами. Заключительные слова Я. Ругоева о том, что съезд сыграл большую роль в дальнейшем успешном развитии карело-финской литературы, прозвучали не просто как вежливая формула, а как закономерный итог.

В работе съезда приняли участие делегации ССР СССР, гости из писательских организаций Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Эстонии, Литвы, Молдавии, Грузии, Азербайджана и др.

На съезде выступил секретарь ЦК Компартии республики тов. И. Петров.

Председателем правления ССР Карело-Финской республики избран Я. Ругоев, ответственным секретарем И. Магничкий.

ПЕТРОЗАВОДСК (Наш спец. корр.)

ПА СПЕКТАКЛЯЖ
ПОЛЬСКОГО
ТЕАТРА

ГЕРОИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Т. МОТЫЛЕВА

На многих московских, просморгших уже несколько спектаклей Польского театра, особое впечатление произвела постановка пьесы Юлиуса Кручковского «Юлиус и Этель». Именно она особенно наглядно обнаруживает то новое, что выросло в литературе и театре Польши за годы народной власти. Она представляет собой крупную победу социалистического реализма в польском искусстве, и часть этой победы в равной мере принадлежит и автору Юлиусу Кручковскому, и режиссеру Александру Бардину, и актерскому коллективу.

«Юлиус и Этель» — пьеса политическая и в то же время философская. В ней идет речь о гибели суицидов Розенберг, казненных по воле американской реакции. Пьеса разоблачает варварство буржуазного правосудия, говорит о силе протеста людей, борющихся за мир. Она понимает в то же время большие вопросы — о смысле человеческой жизни, о достоинстве человека, о смерти и бессмертии.

Тяготение к героической теме издавна свойственно польской литературе. За свою многовековую историю народ Польши много страдал, боролся за свои права, и писатели этого народа не раз воспевали стойкость людей, способных противостоять реакционным силам. Нафос человеческого достоинства, утверждение бессмертия человека-борца звучат в польской поэзии разных периодов — от стихов Мицкевича и «Завещания» Словацкого до стихотворения Владислава Броневского «На смерть революционера». В передовой литературе нашего века эта тема бессмертия приобрела новые черты по сравнению с творчеством великих романтиков: она стала земной, нашла прочную опору в реальной жизни.

Мы знали раньше Кручковского-драматурга по его пьесе о послевоенной Польше «Возмездие» и по его драме «Немцы», которая легла в основу фильма «История одной семьи», известного советскому зрителю. В новой пьесе о Юлиусе и Этель также сказываются характерные черты драматургического мастерства Кручковского. Тут есть четко слаженное действие, в котором судьбы рядовых людей очень естественно, непосредственно отражают большие исторические конфликты. Тут есть содержательный, напряженный, немногословный диалог, где сталкиваются не только страсти, но и идеи, не только характеры, но и мировоззрения. Но есть тут и нечто новое. Образы Юлиуса и Этель — многограннее, эмоционально богаче, чем положительные герои других пьес автора.

Неожиданно, смело строит Кручковский свою пьесу. Если в «Немцах» действие разворачивалось в разных странах Европы, тут оно все время остается в пределах одного здания — тюрьмы Синг-Сит. Всего две декорации: камера Этель и кабинет прокурора. Число действующих лиц — минимальное. От начала до конца действия проходит всего несколько часов. Именно таким путем драматург доводит идейное и психологическое напряжение до высокой концентрации.

У читателя, не знакомого с пьесой и спектаклем, может возникнуть сомнение: не слишком ли узки, камерны рамки действия? Не лучше ли было бы вынести драму за стены тюрьмы, передать тот отрыв, который получило дело Розенбергов в самой Америке и во всем мире? Но нет, драматург удалось вместить в эти, казалось бы, узкие рамки очень и очень многое. Ожесточенность, с которой ведется борьба внутри тюрьмы, дает представление о том, какой резонанс и какое политическое значение приобрела судьба двух невинно осужденных. Из сухих, невольных признаний прокурора и судьи мы можем сделать вывод о том, какой большой моральной урон потерпели палачи. А записка, полученная Юлиусом с «воли» казненными, — крохотный клочок бумаги со словами приветия и сочувствия, напоминающий о тех многочисленных невидимых друзьях, присутствие которых столь живо ощущали осужденные от начала и до конца своего пребывания в тюрьме.

Действие пьесы начинается, когда смертный приговор уже утвержден Белим домом. Конеч же, он предсмертный. И тем не менее на сцене разворачивается острый, богатый перипетиями поединок, за которым зритель следит, зажав дыхание. Власть хотит, чтобы Розенберги признали себя виновными: тогда смертный приговор будет отменен. Их соблазняют радостями жизни, им напоминают о детях, которым предстоит остаться сиротами... Но Юлиус и Этель непреклонны.

В «Песне филаретов» Мицкевича есть слова, давно уже ставшие в Польше крылатыми: «Намерий силы по цели, а не цель по силам!». Юлиус и Этель Розенберг показаны в пьесе такими, какими они были в жизни. Это не политические лидеры, не выдающиеся личности. Это просто хорошие люди, которые хотели бы жить мирно и честно трудиться. Сложным стечением обстоятельств они поставлены в центр великой политической борьбы. Перед ними стоит большая цель: продолжать морально сопротивляться своим врагам до последней секунды. Сознание исторической ответственности, которая лежит на них, усугубляет их силы и превращает их в героев.

Волнующе обаятельна Галина Михайловская в роли Этель. Вот она в начале первой картины сидит на тюремной койке, как бы свернувшись в комочек. Восковая бледность лица, опущенные веки, слегка помятые плечи, небрежно заколотые волосы — все ее облик говорит о пережитых страданиях. Ведь она не знала до последнего дня, будет ли утвержден смертный приговор — а жить так хотелось, так хотелось! Пытка надеждой — это было самое страшное. Но именно теперь, когда исход дела решен, Этель собирает силы. Уже при первом появлении прокурора в ее глазах начинают звучать металлические нотки. Нет, она не уступает, не сдастся. Но жить все-таки так хочется! В камеру впускают Юлиуса. Супругам разрешено провести последние часы вместе. Хрупкая женщина порывисто обнимает мужа, проводит хулькой ручкой по его спине. И обыкновенные слова: «Как я люблю тебя!» звучат высокой поэзией чистой человеческой страсти.

Удивительный актер Тадеуш Кондрат! В пьесе В. Юрандова «Такие времена» он обнаруживает тонкое, очень своеобразное комедийное дарование. А в роли Юлиуса он вместе с Галиной Михайловской потрясает силой трагизма. У Юлиуса — Кондрата совсем не героическая внешность. Неправильные черты лица, редкие волосы, очки, узкие плечи, а на лице выражение неизлечимого добродушия. Он выглядит, как человек, который большую часть жизни провел за письменным столом, а в свободные часы помогал жене по дому или рассказывал детским забавным историям. Но в этом человеке с петровыми голосом и сдержанными движениями заключена большая сила характера. Он спокоен и непоколебим.

Лагерь врагов представлен прокурором, судьей, начальником тюрьмы, приятельницей прокурора — пустой, накрашенной дамочкой Дажес. Все исполнители этих ролей хороши — они играют выразительно и вместе с тем без нажима. Каждый из них на свой лад воплощает тупую жестокость заокеанского образа жизни. Среди отрицательных персонажей особенно запоминается Дэви Гринглас, роль которого играет Т. Сурбова. Дэви — мерзавец из мерзавцев. Он поминисте достоин находиться в девятом кругу дантова ада вместе с Судой. Это он, будучи арестован, понимает обличить свою участь ложным доверием на свою сестру Этель и ее мужа Юлиуса. Истерическое поведение Грингласа в день казни составляет разительный контраст с чистым и гордым спокойствием Розенбергов.

Хочется особо отметить двух участников спектакля, обозначенных в программе под тремя звездочками. Это юные исполнители ролей Майкла и Роберта Розенберг. Милые беззащитные школьники, растущие в свободной стране, чутко передают трагедию своих американских сверстников. Вот они входят в кабинет прокурора, чтобы спросить: когда же им разрешат свидание с родителями? Ведь они ждут уже много часов. Майкл подходит к прокурору, передает цветы, принесенные для родителей, своему младшему брату Роберту. Он разговаривает с чужим и злым дядей без страха, вежливо и с оттенком настойчивости. А Роберт стоит поодаль, личико его напряжено и вместе с тем спокойно... Потрясающая мимика!

В драматургическом мастерстве Кручковского есть одна оригинальная черта, которая ярко сказалась и в этой пьесе. У него вещи — не просто аксессуары действия. Они иной раз, так сказать, сами действуют, с ними связаны не только разговоры, но и переживания людей. В пьесе «Юлиус и Этель» очень важную функцию выполняют телефон и часы, установленные в камере в день казни. Они должны напоминать осужденным о том, что связаться с прокурором для признания своей «вины» еще не поздно... Эти неодушевленные предметы, которые, по замыслу прокурора, должны были быть орудием психологического давления на Розенбергов, становятся неммыми свидетелями их морального торжества.

Последняя сцена — самое сильное, в чем-то темное. Освещены только фигуры Этель, сидящей на койке, и Юлиуса, расплывшегося на полу, у ее ног. Ярким розовым пятном выделяются цветы в руках Этель: значит, свидание с детьми все-таки состоялось. Супруги тихо беседуют. Телефон убрал, поединок с прокурором окончен, вот-вот за ними придет. И Юлиус и Этель выходят на авансцену. Их лица светлеют, голоса крепнут, — оба они хорошеют и даже как будто становятся выше ростом. Они произносят вдохновенные прощальные слова, обращенные ко всему человечеству... Драматург решительно отступает здесь от бытового правдоподобия, не боится на несколько минут превратить своих героев в «рупоры духа времени». Он чувствует себя вправе сделать это именно потому, что на протяжении всех шести картин зритель ощущал Юлиуса и Этель как живых людей. Возвращенная символика финала естественно смыкается со строго реалистическим стилем всего спектакля.

Какая изумительная мощь заключена в движении народов за мир! Это движение пробуждает неизведанные духовные, творческие силы в самых различных людях и вдохновляет лучших писателей наших дней. В современной литературе мы все чаще встречаем произведения, авторы которых стремятся проникнуть в жизнь других народов. Назым Хикмет воспекает свободу Венгрии. Набло Неруда — Варшаву и Прагу. Николай Гихлов пишет о народах Индии и Пакистана. Анна Зегерс — о простых людях разных стран, совершающих свой «первый шаг» в борьбе за мир. Дмитрий Ермин и поляк Ильян Стрийковский написали книги об Италии. Франсуа Жан-Иер Шарбрю и поляк Мирослав Жулавский — о Вьетнаме. Константин Симонов и Аугуст Якобсон, Фридрих Вольф и Ивер Куртад создатели произведения, показывающие борьбу сил прогресса и реакции в Соединенных Штатах Америки. Нею Леон Кручковский написал пьесу из американской жизни, глубоко родственную и по теме и по духу одному из лучших произведений современной литературы США — роману Говарда Фаста о подвиге Сакко и Ванцетти. Все это ярко свидетельствует о великой силе международного братства, соединяющей передовых писателей нашего времени.

Константин СИМОНОВ

О культуре писательского труда

Мы часто говорим, что у нашей литературы — большой и требовательный читатель. Порою мы добавляем к этим словам эпитет «строгий». Но хотя формула эта стала для нас весьма привычной, — быть может, стоит призадуматься над ее смыслом. Да, читатель у нас требователен. Да, читатель наш строг. Но почему он строг? Почему требователен? Сказывается ли его строгость и требовательность именно и только в отношении его к литературе?

Нет. Наш советский читатель, будучи требовательным человеком, — прежде всего требователен к самому себе. Наша страна — страна деловых людей в самом высоком смысле этого слова. За тридцать семь лет существования советской власти советские люди, руководимые партией, привыкли к тому, чтобы слова у них не расходились с делами, чтобы выполнение не отставало от замысла; они привыкли доводить до конца каждое начатое дело, а для этого — много и упорно работать.

Советский читатель привык ежедневно и напряженно трудиться. Вместе с тем он находит часы и силы для того, чтобы учиться, участвовать в общественной жизни, читать, посещать театры, кино, лекции и музеи. Наш читатель живет полной, интересной, глубоко осмысленной трудовой жизнью и именно такой образ жизни считает естественной нормой. Вот здесь-то и лежат истоки его требовательности. Будучи требовательным прежде всего к себе самому, он требователен и ко всем другим, в частности к нам, литераторам.

В своих письмах А. М. Горький вспоминает о том, что он работает не меньше десяти часов в день, — включая сюда и работу над собственными рукописями, и ту громадную перепишку, какую он вел и какую в значительной своей части была глубокой и притом самой тщательной литературно-критической работой. В письмах можно встретить упоминания о том, что он целый день писал, — болят плечи и руки. И за этими письмами возникает образ человека, который каждый день встает, чтобы за день выложить огромное поле, и не отходит от стола и не идет отдыхать, пока не всплещет его до конца, без огрехов. А когда, наконец, он дает себе отдых, у него побаливают плечи и руки после сурового и тяжелого писательского труда...

Ну, а так ли, в полную ли меру своим трудом мы, писатели, — люди, которых народ столько дал, что он вправе строго с нас потребовать?

Скажу откровенно, когда сам я задаю себе этот вопрос, то подумал, что, хоть и не бываю; мешало то одно, то другое, — но факт остается фактом: не писал, то есть не занимался своим основным делом. Я направляю на слово систематический литературный труд, ибо у многих из нас те или иные общественные обязанности отбирают немало времени, и здесь-то систематический литературный труд особенно необходим. Но планы на будущее, — получу, мод, творческий отпуски, освобожусь от всего и напишу все сразу, — а именно ежедневная систематическая работа, пусть даже полтора-два часа, но **из дня в день**. Так, например, много лет подряд работает известный писатель Вилле Ладис: он каждый год выпускает по новому тому, будучи вместе с тем председателем Совета Министров Латвийской ССР и неся, таким образом, «нагрузку» большую, чем любая

другая из писательских общественных нагрузок.

И далеко от мысли, что когда-нибудь наступит день и у писателя вдруг исчезнет необходимость заниматься общественными делами. В общественной жизни нашей страны писатели заняты такое место, что нельзя, например, преступить себе комитетов в защиту мира, где бы не участвовал писатель; трудно представить себе культурной делегации, не включающую писателя в свой состав; невозможно представить в какой-либо широкой общественно-политической кампании. И этим нам надо гордиться, а не жаловаться на это; было бы позором для нас, литераторов, если бы мы оставались в стороне от общественной жизни своего народа.

Кроме того, у нас есть своя писательская организация, большая, сложная, многонациональная. Союз писателей имеет ряд издательств, несколько газет, десятки журналов и альманахов. Этим большим хозяйством управляют сами писатели. — Это значительная часть литераторов — сегодня одних, а завтра других — никогда не будут сняты возложенные союзом обязанности по руководству теми или иными участками большого литературного хозяйства.

Напротив, мне кажется, что круг людей, занимающихся общественной работой в литературных организациях и в органах печати, должен быть шире, нежели есть он сейчас. Мы слишком часто по привычке валяем все нагрузки на одних и те же прилежательные литературные имена и откачиваемся от поисков новых людей, которые могут горячо и хорошо взяться за новое для них общественное дело.

Итак, общественные нагрузки у писателей были, есть и будут. Но это не должно влиять на стиль литературного труда, на его систематичность, ибо отказ от повседневной работы за письменным столом приводит, в конце концов, к отрывке от этой работы. А отрывку повседневной трудиться над рукописью, иной писатель начинает ощущать общественные нагрузки, как некий спасительный щит, спрятавшись за которым он морально оправдывает свое многолетнее молчание. А случается и так, что, когда, наконец, такой писатель

находит время, чтобы присесть к столу, он не может приняться за работу: отучился, отвык, как пшаняк, который долго не играл и утратил необходимую гибкость пальцев.

И намеренно начал с людей, у которых общественные обязанности отбирают много времени, создавая известные трудности в их писательском труде. В этом случае только систематическая работа, только высокая культура писательского труда является единственным способом преодоления действительных трудностей.

Во весьма значительное количество писателей не связано с исполнением таких общественных обязанностей, какие отбирали бы у них половину или даже более половины рабочего дня. Эти многочисленные наши товарищи свободны располагать львиной долей своего времени по своему усмотрению. Однако время это слишком часто используется плохо.

Слишком редко мы вспоминаем о «свободных часах» работы, которые вошли бы в привычку и для самого писателя и для его окружающих, — часах, на протяжении которых он ежедневно пишет, не расставаясь с рукописью ни для чего другого.

Даже в писательских организациях порою вызывает удивление, когда в ответ на телефонный звонок к писателю его домашние отвечают, что, дескать, писатель такой-то не пойдет сейчас к телефону и не будет ни с кем разговаривать, пока не эпонит работу, а окончит он свою работу в таком-то часу... Кое-кто готов даже счесть такой ответ за высокомерие или грубость, хотя никому, разумеется, не придет в голову считать высокомерием или грубостью отказ стажантова или инженера бегать к телефону по делам, не связанным с его работой, прежде чем окончится рабочий день. Бодее того, мало кому придет в голову вообще звонить и вызывать к телефону заведомо работающего в это время человека.

Мы слишком часто сами нарушаем свои «свободные часы» работы. А если литератор сам перестает уважать свое время, его, естественно, перестают уважать и другие.

Этот вопрос может показаться узко профессиональным, не стоящим того, чтобы выносить его на широкое обсуждение. Однако перед съездом не грех обсудить и такие профессиональные вопросы. А, кроме

того, иные из этих вопросов имеют самое прямое отношение к борьбе и за глубокое познание жизни нашими литераторами, и за повышение художественного мастерства всей нашей литературы.

Познание жизни — не путешествие, а работа.

Я не принадлежу к сторонникам взгляда, что писателю не нужны никакие творческие командировки потому, мол, что за месяц, два или даже три дня в жизни все равно не узнаешь. Жизнь за короткий срок, конечно, узнать нельзя, но писатель-то ведь не новорожденный мазедец, широко открывающий глаза на все, что встречается на его пути. Если писатель крепко стоит на ногах, прошел определенный трудовой путь, видел людей и жизнь, то отправляясь на два-три месяца в творческую командировку, — к примеру, на целинные земли, — он едет не для того, чтобы приобрести знания, а затем, чтобы их пополнить. Конечно, он встретит новых людей в новых обстоятельствах. Но и до этого он видел и узнал немало других людей в различных других обстоятельствах, и создавая впоследствии новое литературное произведение, он будет писать его не только на основе того, что увидел в творческой командировке, а на основе всего своего жизненного опыта, обогащенного этой последней поездкой. Если же писатель отправляется в путь пустой, как турецкий барабан, то ни два, ни три месяца творческой командировки ничем ему не помогут.

Путешествие — новые люди, новые впечатления — большое и необходимое подспорье для литератора. Но вместе с тем путешествие — это начало труда, и, само по себе, — **уже труд** над будущей книгой.

Писатель должен возвращаться из поездки, как после хорошей работы; дни его в дороге должны быть наполнены трудом. Месяц-другой — это почти ничто, если покаживать да поглядывать; но это очень много, если по-горьковски работать до седьмого пота, узнавая людей, выписывая обстоятельства их жизни и в условиях их труда, если записывать беседы и факты подробно, щедро, в десять раз больше, чем потом понадобится, чтобы было из чего выбирать, — записывать, «пока не заблудит рука и плечо»...

Такая поездка, как небо от земли, далеко от увеселительных или полуувеселительных

К ЭТОМУ МНЕНИЮ СЛЕДУЕТ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ

ГОРЬКИЙ. (Наш спец. корр.). Снова после летних каникул в комнате редакции заводской газеты собралась группа литераторов группы завода «Красное Сормово». Александр Михайлович Тирецко, драматург, заместитель редактора газеты «Красный сормович», руководитель литературной группы, беседует с заводскими писателями:

— Что удалось написать за лето? Каковы планы?

Богат талантами старейший русский завод, четыреста орденосных сормовских великанов, поющих имя А. А. Жданова. Среди рабочих и инженерно-технических работников много пишущих людей — поэты, прозаики, фельетонисты. Они объединены вокруг заводской газеты, регулярно собираются на занятия, всматриваются в работу творческих товарищей, внимательно следят за литературной жизнью страны. На страницах «Красного сормовича» часто печатаются стихи, очерки, корреспонденции, литературоведческие статьи, созданные силами заводской сатирической группы «Вентилятор»; многие печатаются в областной комсомольской газете «Ленинская смена»; нынче весной московский «Труд» целую страницу посвящает творчеству сормовичей. Литературная группа живет, творит, учится.

Естественно, что сегодня, когда участники группы вновь собрались после летнего перерыва, разговор зашел о предстоящем в этом сезоне съезде писателей. Диспетчер Лев Иванович Шиллер, оказываясь присутствующим на Первом съезде, слышал Горького. Лев Иванович работал тогда в Стрельбицкой МТС и как активный сельдер почитательской газеты был послан в Москву на писательский съезд.

— Надо, чтобы и на предстоящем Втором всесоюзном съезде были представители активных литературных объединений и групп. С совещательным голосом или в качестве гостей. У нас много претензий...

Товарищи наперебой выкладывают свои требования и просьбы. Основная и главная

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Читая в «Литературной газете» за 18 сентября отчет о съезде писателей Казахстана и изложение выступления на этом съезде М. Шолохова, я с удивлением и огорчением узнаю, что М. Шолохов совершенно неправильно понял мои предложения о пересмотре авторского права, высказанные в статье «Поговорим о существующих условиях литературности», напечатанной 31 июля 1954 года.

«На мой взгляд», — говорит М. Шолохов, — эта статья вредит некоторой авторской ответственности. Я не согласен с теми опасениями, что большое материальное поощрение молодого писателя обязательно должно повести к зазнайству, к спадлу его творческих сил... Как хотеть, но я за то, чтобы нас, маститых, и в частности маститых драматургов, пожать с гонорами в пользу молодых. В них наша надежда на будущее, в них залог вечного нестарения литературы».

Те, кто не читал моей статьи, могут подумать, что я предлагаю «пожамать» молодых писателей с гонорами в пользу маститых. Если бы это действительно было в статье, ее можно было бы назвать не только непрофессиональной, но просто глупой.

Нет, таких предложений в ней не было.

Я писал о том, что у нас существуют три ставки оплаты за печатный лист: одна — для начинающих, вторая, средняя — для «средних писателей» и третья, высшая, — для лауреатов Сталинской премии (известно также, что книги лауреатов издательских и краевых издательствах, материально поощрившие их, стали бы, с двух сторон: и по тиражам и по ставкам оплаты за печатный лист). «Выходило», — писал я по поводу этих ставок, — кому много дано, у того пружинитесь, а начинающие писатели поставлены в самые невыгодные условия. Если автор принесет в издательство первую вещь и она по своим идейным и художественным достоинствам будет равна «Тихому Дону» или «Педагогической поэме», все равно издательство вправе выплатить автору гонорар по самой низкой ставке. Не следует ли и здесь что-то пересмотреть, исходя из того, что именно начинающие авторы нуждаются в серьезной материальной поддержке?»

Как же можно было истолковать эти строки, как предложение ущемлять материально начинающих писателей в пользу «маститых»? Досадное недоразумение.

Я писал в статье, что в силу несовершенства нашего авторского права дело пошло до того, что «иной автор о другой более или менее удивившей вещи на том и покончил», «я кунуных похвал». Я считал несправедливым, что у нас оплата за печатный лист не снижается ниже 40 прожиточных минимумов за первое издание, будь это хоть сто лет, хоть двести лет издание. Но я и не предлагаю совсем не платить за переиздания. За какое-то количество переизданий нужно хорошо платить, чтобы писатель мог спокойно, серьезно, без спешки работать над новой вещью. Но во всем нужна мера. Начиная с какого-то, с двадцатого, может быть, или с тридцатого издания (или раньше), надо резко снижать гонорар. Это тоже ведь не поощряет писателя к плодотворной работе, когда за счет переиздания всего лишь одной единственной, к тому же не очень талантливой вещи, во всех областях городов Советского Союза он может стать материально обеспеченным на всю жизнь человеком.

Это место в моей статье насчет «почтищих на купонах», при внимательном чтении, тоже нельзя назвать предложением, направленным к «пожаманию» с гонорами молодых писателей.

Ни одной строкой своей статьи я не возражаю против необходимости серьезного материального поощрения начинающих писателей, полностью согласен в этом вопросе с М. Шолоховым.

Остается лишь недоумевать и сожалеть о некоторой непрофессиональности выступления М. Шолохова.

Валентин ОВЕЧКИН

Сборник для детей

КОСТРОМА. (Наш корр.). Год назад костромские литераторы выступили первым литературным сборником «Для детей», который разошелся в короткий срок. Сейчас выпускается второй сборник. В него входят рассказы А. Сергеева, А. Румянцева, В. Ифганова, Е. Павловой и других авторов.

ПРЕДСЪЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА САТИРЫ

Александр ИЛИАДИ

О сатире говорят все, и не только люди искусства, художники, литераторы, — ею интересуется весь многомиллионный советский народ. По-хозяйски озабоченный судьбами литературы, он настойчиво требует сатирических комедий, которые помогли бы ему в борьбе со всем враждебным и отжившим, со всем, что мешает нашему грандиозному социалистическому труду.

Засуетился, поднял возню и сам, так сказать, герой будущих комедий — обыватель, мечтания. «Слышали, — шепчет он, имея в виду критику ремесленных, мимосатирических пьес, — слышали? Сатиру, того... притормаживают...»

Вторые заявления, напрасные надежды! Сатира будет жить, будет всегда надежной помощницей народа в его борьбе за лучшее будущее. И наивны те писатели и литературоведы, которые, прислушиваясь к обывательскому шепотку, с серьезным видом гадают: как же, мол, быть с сатирой, если раскритикован ряд пьес, в которых выведено отрицательное и безобразное?

Но подобная растерянность — лишь свидетельство идейной и теоретической беспомощности. Вся мнимая сложность проблемы рухнет немедленно, если спросить себя прямо и просто: а являются ли сатирические пьесы, о которых мы говорим?

Если обратиться к драматургии последнего времени, не может не броситься в глаза то, что жанр многих произведений не определен, — чаще всего это просто пьесы. Но даже там, где жанр обозначен на титульном листе, мы нередко сталкиваемся с нарушением его законов. По особенно ярко проявилось это в некоторых комедиях, претендующих на звание сатирических.

Мало показать на сцене пороки, зло, безобразное явление, чтобы произведение стало сатирическим, — все драматические жанры основаны на конфликте добра и зла, положительного и отрицательного, нового и старого. А сатиру делает сатирой пристрастное, горькое, яростное и непримиримое осуждение порока.

Смех зрительного зала с минуты, когда появляется Горюничий, и до финала комедии — вот чем разит Гоголь самодержавно-чиновничью Россию; Маяковский хохотом ослепляет, унижает бюрократов новой формации — победоносных.

Смех — стихия сатиры. Потому же не смешны некоторые сатирические произведения последнего времени? Потому, что иногда автор, указав в подзаголовке — «Сатирическая комедия», тут же об этом забывает. Незыблемый закон сатиры — осмеяние, оскорбление и унижение зла — как бы и не существует для этих произведений.

Как известно, теория драмы утверждает: для того, чтобы положительный герой был в глазах зрителя значительным, большим характером, у него должен быть достойный, сильный, умный, изворотливый противник.

Что ж, утверждение верно. Но оно не досма до пьес произведений. В драме, в трагедии сильный противник иногда даже не уступает герою. Сшиба сильных характеров — основа драматизма событий. В самом деле, можно ли представить себе Иго глупцом или, скажем, Ярового — трусом? Ведь у Яго, его хитрость — причины трагедии Отелло. Борьба с Яровым, преодолевая его яростное сопротивление, растут в глазах зрителя образы Кошкина и Любви Яровой.

Но ведь совсем иное положение в сатире! Ли один сатирический персонаж Салтыков-Щедрин, Грибоедов, Гоголь, Чехов — от мелкого чиновника до императора — ни в какой мере не стоит на одном уровне с героем положительным. Положительный герой сатиры — будь это сам автор или действующее лицо, например Чацкий — всегда абсолютно выше зла, порока, выше всего отрицательного и безобразного. Безграничное превосходство положительного героя, намеренное унижение и, если хотите, огульное зло — вот, по существу, закон сатиры, закон, который подтверждает почти весь опыт классиков русской литературы.

И когда авторы, выходя на сцену порока, зло, обывательски теряются перед ним, — рождается псевдосатира вроде «Надежного принца» А. Мариненко. В отрицательных персонажах автор видит тогда не мразь, не накин, не безобразное, которое нужно осмеять, унижать, а лишь изъяны человеческого характера, свойственные, мол, каждому живому человеку.

Копаясь в психологии мерзких и отвратительных людей, приписав им искупительные жертвы, драматург ставит подобных типов на один уровень с зрителем, лишая последних чувства презрения, ненависти, сознания полного превосходства над этими ничтожными личностями. «Психологизм» их душ обычно оборачивается самоощущением натуралистических деталей обывательского бытия. Поэтому так охотно принят обыватель сию «сатиру», которая приятно шепочет ему нервы, а не оскорбляет, не унижает его.

По если нет оскорбления, унижения зла, нет осмеяния порока, издевательств над безобразным с сознанием полного превосходства над ним, то о какой же сатире можно говорить? Произведения, лишенные всего этого, не только не являются сатирой, но, наоборот, всей своей направленностью прямо противоположны ей.

Нужна ли гипербола?

Знание законов жанра позволяет понять природу гиперболизации явлений и черт людей, способы построения сюжета, которые характерны для сатирической комедии. Нельзя ограничиваться лишь творческой фантазией комедиографа, как это делают авторы даже лучших комедий В. Фролова «О советской комедии», но и в этом глубоком исследовании мы ощущаем робость автора, когда заходит речь о специфических художественных приемах сатиры. Так, В. Фролов пишет: «...высокая и благородная задача сатиры — осмеять и безжалостно гиперболизировать отрицательных персонажей в комедии». Далее он утверждает, что возвышенность высокой комедии... отличает подлинную гиперболичность, а иногда и условность ситуаций и положений. Почему же это отличает только возвышенность? Почему чрезмерное гиперболизирование (чрезмерное не в смысле утраты чувства

меры, вкуса, а в смысле концентрации, обобщения отрицательных явлений жизни) противопоставлено сатире?

Ведь даже автор «Горя от ума», создатель образцово высокой комедии, явно грешит против этих тезисов, не говоря уже о «Ревизоре». А что такое «Ваня»? Водень? Нет, конечно. Провульгационное, заостренное, гротеск — это приемы любой подлинной сатиры, и самой высокой в первую очередь. Гипербола обязательна в комедии, и сатирик должен к ней прибегать смело и уверенно, иначе ни о какой сатире в его произведениях не может быть и речи.

Несомненно, как использовал Маяковский машину времени в «Бане». Фантастическая машина возносила сатирику весомо и зримо, с огромной впечатляющей силой выбросить из нашей жизни присосавшихся к ней тупейцев. А появление Фосфорической женщины! А летаргический сон в «Клопе». Сколько таких находок использовали сатирики и сколько их еще таит в себе смежная творческая фантазия! Значит, смежно искать, нужно фантазировать.

По пока мы еще очень мало используем такие возможности. Даже в лучших сатирических комедиях, таких, например, как «Не называя фамилий» и «Извините, пожалуйста!», мало выведено острых сатирических ситуаций, мало выведена творческой фантазии. Причем я имею в виду не субъективно-произвольную фантазию, а фантазию, реально воплощающую партийную позицию художника, желающего поставить другое и отрицательное в такие обстоятельства, в которых оно может быть беспредельно унижено, испорчено, оскорблено.

Вспомните, как смеется зритель, например, над подлинно сатирической ситуацией в комедии Макаенка «Извините, пожалуйста!», когда Мошкин и Калиберов делится методом своей «работы» с корреспондентом. Этот смех — сокрушительный удар по засателюющей суете, которая всегда была лишь маскировкой для бюрократов и бездельников.

Главное достоинство комедии Макаенка в том, что смех в ней имеет верную направленность. Автор избрал важную тему, но его комедия не хватает ярких сатирических красок. Причем я не требую, как некоторые, чтобы Макаенко нам сразу в одной пьесе раскрыл все возможные недостатки в руководстве колхозами или подал подробнейшую родословную каждого порока. А такие абсурдные требования раздаются. Некоторые критики забывают, что как только в комедии начинаются тщательнейшие психологические исследования на тему: почему пороки стали пороками и когда произошла впервые исключили из школы, — из комедии улетучивается смех, и анкета негодия вызывает зевоту.

Корни отвратительного и безобразного раскрывать обязательно нужно. Но кто сказал, что это под силу каждой сатирической комедии? Почему критики и до сих пор требуют, чтобы Минко или подробно объяснил, как Дана стада Дяно?... А не лучше ли им поступить так, как делал Белинский? В поисках обстоятельств, породивших сюжет произведения, он обращался не к писателю, а к жизни. Он сам вскрывал эти обстоятельства, помогая литератору расти, а читателям — понимать произведение. Мы забыли, что задача критики — не в пересказе, а в истолковании того, что изображает писатель.

Подлинная сатира убивает смехом предмет значительный — зло большого масштаба. Когда в центре сатирической комедии — второстепенное, маловажное, то она автоматически выпадает из жанра. Добродушная насмешка ничего общего не имеет с гневным осмеянием зла. Ярким примером такой комедии могут служить «Раки» С. Михалкова. В пьесе немало смешных деталей, веселых комедийных положений, но из-за незначительности предмета, из-за обывательной незначительности изображенного «Раки» от сатирической комедии отделяет дистанция солидного размера.

О комедии и трагедии

Читая книгу В. Фролова, нетрудно обнаружить, к чему привело мелочливое отношение к специфическим художественным средствам сатиры. В ней чувствуется стремление автора сблизить комедию с драмой и даже трагедией.

Мы не хотим опаривать радость драматургических жанров или отрицать взаимную общность комедии и драмы. Но нам кажется ошибочной тенденция автора возвести комедию в трагедию, драматическую напряженность событий в свойство комедии, да к тому же еще нашей, современной.

При исследовании художественных приемов, способов построения сюжета у классиков сатиры нельзя забывать о том, что художественная индивидуальность каждого из великих сатириков и комедиографов порождена отношением автора к злу, к пороку, к противоречиям своей эпохи.

Поэтому так различны палитры Лукьянова и Рабля, Грибоедова и Щетрина, Салтыкова-Щедрин и Фролова. Не есть у них и общие черты — это смех, о котором изумительно сказал Гоголь: «вздох невидимое миру слов!» Да, вздох смех и слышалась сердце великих гуманистов эпоху, что зло, которое они осмеивали, оскорбляли, унижали, в жизни оставалось господствующей силой.

Лукьянов и Ювенал были предвостанками крутыми раболовительского общества: Эразм, Рабле, Swift, Вольтер добились феодализма; Грибоедов, Гоголь, Салтыков-Щедрин сокрушали гилье устои царства. Это не случайные совпадения, а закон развития той сатиры, которая предмет своим имела самое страшное зло — социальное, самый страшный порок — господствующий, самое отвратительное явление — порабощение человека человеком. Поэтому и рождалась такая форма сатиры, которая, призывая к разумному общественному строю, омывая его волчи законы, гиперболизировала не только смеховое и уродливое, но и трагическое.

Может ли существовать в советской литературе, отражающей жизнь нашего общества, такая форма сатиры? Я думаю, не

может! Поэтому неверными кажутся попытки рабски следовать формам, созданным великими сатириками прошлого. Нельзя применять без разбору эти художественные приемы. Ведь нам надо отражать реальные жизненные отношения нашего времени.

Нельзя забывать, что все пороки, все тупые явления приняты у нас иные черты. Зло и порок в нашем обществе, несмотря на всю их опасность, не выражают господствующих в советском обществе отношений. Об этом говорит самый факт наших гигантских успехов, нашего неотложного движения по пути социализма.

Новый общественный строй должен породить и новую сатиру, которая, поскольку речь идет о нашей действительности, ставит целью не разрушение противопоставленных человеческих отношений частью общественности общества, а борется за становление и утверждение социалистического общества, за очищение его от всего враждебного и чуждого его жизни и морали.

Всепобеждающий смех

Каковы же характерные признаки новой сатиры? Ведь сатира должна утверждать прекрасное, так же как и все искусство.

Дискуссия «О положительном герое и его месте в советской пьесе», которая не так давно прошла в Москве в Союзе писателей, изучение ряда теоретических и критических работ показывают, что вместо живого, конкретного исследования, вместо анализа существующих произведений многие наши литературоведы занялись бесплодным гаданием о возможных пропорциях положительных и отрицательных черт в героях будущих, еще не написанных и не замысленных драматургии пьес.

Начало таким, по меньшей мере странным рассуждениям положил В. Ермалов своими статьями о гоголевской традиции. Первой и весьма характерной особенностью этих статей является то, что, говоря о теории драматургии, о гоголевской традиции, автор крайне нерешительно обращается к анализу существующих советских сатирических комедий, не подмечая, что же нового внесли они в историю драматургии, в чем выразилось их новаторство, иными словами, как идет развитие творческого развития гоголевской традиции.

В. Ермалов говорит, например: «Мы рассматриваем... гипотезу о возможности комедии с одним лишь положительными героями и убийцей...» и т. д. В том-то и дело, что мы, к сожалению, ни в чем не убедились! И именно убедительной представляется нам гипотеза о возможности существования современной сатирической комедии с одним отрицательными героями, рассуждения о том, что могут существовать современные пьесы, где действуют одни носители зла и в то же время ощущается образ нашей действительности. Как вести образ нашей действительности без положительных героев, остается загадкой.

Нужно сказать, что автор статей о гоголевской традиции в этом вопросе свел всю традицию к слепому подражанию гоголем образам, не придавая значения тем существенным поправкам, которые вносила и приносит жизнь в теорию и практику драматургии. Конечно, не вина В. Ермалова, что сатирические комедии в активе современной драматургии мало, и особенно много их было в период напечатания статьи. Но вина Ермалова в том, что он не смел нужным опереться из то, что уже создано советской сатирой, не показал, что в ней подлинное новое и прогрессивное. Так был забыт опыт Владимира Маяковского. А ведь его сатирические комедии и есть уже ридившаяся новая форма сатиры социалистического реализма.

Пьесы Маяковского и по форме — подлинная сатира. Поэт не останавливается перед самыми смелыми приемами гиперболизации, перед фантастикой, перед алогичными сдвигами привычных понятий для достижения своих идейных и художественных целей. Но примечательной особенностью пьес Маяковского является то, что сатирические комедии в активе современной драматургии мало, и особенно много их было в период напечатания статьи. Но вина Ермалова в том, что он не смел нужным опереться из то, что уже создано советской сатирой, не показал, что в ней подлинное новое и прогрессивное. Так был забыт опыт Владимира Маяковского. А ведь его сатирические комедии и есть уже ридившаяся новая форма сатиры социалистического реализма.

Пьесы Маяковского и по форме — подлинная сатира. Поэт не останавливается перед самыми смелыми приемами гиперболизации, перед фантастикой, перед алогичными сдвигами привычных понятий для достижения своих идейных и художественных целей. Но примечательной особенностью пьес Маяковского является то, что сатирические комедии в активе современной драматургии мало, и особенно много их было в период напечатания статьи. Но вина Ермалова в том, что он не смел нужным опереться из то, что уже создано советской сатирой, не показал, что в ней подлинное новое и прогрессивное. Так был забыт опыт Владимира Маяковского. А ведь его сатирические комедии и есть уже ридившаяся новая форма сатиры социалистического реализма.

Нельзя сказать, что автор статей о гоголевской традиции в этом вопросе свел всю традицию к слепому подражанию гоголем образам, не придавая значения тем существенным поправкам, которые вносила и приносит жизнь в теорию и практику драматургии. Конечно, не вина В. Ермалова, что сатирические комедии в активе современной драматургии мало, и особенно много их было в период напечатания статьи. Но вина Ермалова в том, что он не смел нужным опереться из то, что уже создано советской сатирой, не показал, что в ней подлинное новое и прогрессивное. Так был забыт опыт Владимира Маяковского. А ведь его сатирические комедии и есть уже ридившаяся новая форма сатиры социалистического реализма.

Нельзя сказать, что автор статей о гоголевской традиции в этом вопросе свел всю традицию к слепому подражанию гоголем образам, не придавая значения тем существенным поправкам, которые вносила и приносит жизнь в теорию и практику драматургии. Конечно, не вина В. Ермалова, что сатирические комедии в активе современной драматургии мало, и особенно много их было в период напечатания статьи. Но вина Ермалова в том, что он не смел нужным опереться из то, что уже создано советской сатирой, не показал, что в ней подлинное новое и прогрессивное. Так был забыт опыт Владимира Маяковского. А ведь его сатирические комедии и есть уже ридившаяся новая форма сатиры социалистического реализма.

Нельзя сказать, что автор статей о гоголевской традиции в этом вопросе свел всю традицию к слепому подражанию гоголем образам, не придавая значения тем существенным поправкам, которые вносила и приносит жизнь в теорию и практику драматургии. Конечно, не вина В. Ермалова, что сатирические комедии в активе современной драматургии мало, и особенно много их было в период напечатания статьи. Но вина Ермалова в том, что он не смел нужным опереться из то, что уже создано советской сатирой, не показал, что в ней подлинное новое и прогрессивное. Так был забыт опыт Владимира Маяковского. А ведь его сатирические комедии и есть уже ридившаяся новая форма сатиры социалистического реализма.

Украинские журналы в октябре

В ближайшее время выйдут из печати и поступят к подписчикам октябрьские книжки издающихся на Украине литературно-художественных и общественно-политических журналов. «Діпир» и «Жовтень» начинают печатать новые романы Ю. Збанако «Перед жайво» и А. Димарова «Его семья». «Советская Украина» помещает вторую книгу романа Т. Довгого «Домо оста-валась женою», журнал «Вітчизна» знакомит читателя с третьей частью романа О. Иваненко «Путь Тараса».

К предстоящему третьему украинскому и Второму всесоюзному съездам советских писателей журналы публикуют ряд статей: редакционные «За дальнейшей подьем украинской советской литературы» («Вітчизна»), «К новым творческим высотам» («Жовтень»), «Писатель и читатель» («Советская Украина»), статьи В. Лысенко («Вітчизна») и П. Вовка («Діпир») о современной украинской детской литературе, Б. Палий-

чука «Под знаменем социалистического реализма» («Советская Украина»), Л. Носиченко «Разговор о рассказах» («Діпир»). В октябрьской книжке журнала «Вітчизна» печатается новая пьеса А. Корнейчука «Крылья». Ее события развертываются в одной из областей Украины накануне сентябрьского Пленума ЦК КПСС. В центре пьесы — образ вновь избранного секретаря обкома партии Ромодана, резко выступающего против бюрократических методов руководства, заведенных в области, угрозжающего в трудной обстановке коммунистические принципы работы с людьми.

Журналы печатают много стихов: М. Рыльского и П. Тычины («Діпир»), Н. Ушакова, Л. Вышестетского, Я. Шпорты, И. Гончаренко, А. Уварова («Советская Украина»), Д. Павличко («Жовтень»), повесть в стихах «Рыцари свободы» Г. Плоткина («Вітчизна»).

КИЕВ. (Наш корр.).

тельных прогулок, какие порою устраивают себе под видом творческих командировок иные писатели. Командировочные деньги даются писателю на рабочую поездку, — даются авансом и под отчет. Отчитываются в них он должен своей книгой, и такой отчет надобно с каждого писателя требовать решительно и неуклонно.

Работа над всякою серьезною книгой, отражающей те или иные стороны жизни народа, не может опираться только на личные впечатления писателя, на его личный опыт. Как бы ни был богат этот опыт, он все же недостаточен для полноты видения всей картины. Кроме личных впечатлений, необходимы широкие знания, работа над книгами, материалами, документами. Это неотъемлемая часть литературного труда, и если этой частью труда писатель пренебрегает, то это неизбежно скажется на его книге. Именно в таких случаях оказывается, что писатель прошел мимо общего смысла тех или иных частных фактов, выдал частное за общее, погрузился в эмпиризм, потерял перспективу.

Кроме того, собственные воспоминания и впечатления — вещь обманчивая, неточная. И хотя естественно, что личный опыт писателя всегда остается главной пружиной, без которой механизм книги вообще не заведется, но этот личный опыт должен быть неоднократно проверен при помощи опыта других людей, других впечатлений, других воспоминаний, — даже, если речь идет о событиях, которым сам ты был непосредственным свидетелем.

Это — труд кропотливый. Но художественный вымысел писателя должен опираться именно на такой кропотливый и добросовестный труд. Литература вообще — дело только для добросовестных людей, а для людей, не желающих быть добросовестными, она — занятие бесполезное.

И вот после кропотливого предварительного труда начинается труд над самой рукописью — труд, в котором сколько индивидуальности, столько и общности. Потому было бы смешно предлагать тут какие-либо общие правила. И все же одно общее и, на мой взгляд, безусловное правило существует: всякая работа над одной рукописью, безотлучательно претущей к работе над следующей, к плану, к подготовке к сбору материалов. К сожалению, это безусловное правило систематического литературного труда многими литератора-

ми у нас основательно позабыто. Паузы, возникающие между окончанием одной работы и приступом к другой, у многих принимают характер почти угрожающий. Выпустит человек хороший роман, потом год сидит читательским конференциям, упиваясь новоявленной славой; читательские конференции — дело доброе, но иной автор, глядясь, так ими увлечется, что ему и писать некогда. А потом писатель участвует в создании пьесы по своему роману, а там — сценарий, а потом — либретто, а потом — года через три — заверение в том, что он приступил к новому роману. А ему бы не приступать, а заканчивать новый роман поря. Но проходит еще три года, а мы снова слышим все те же заявления, но не видим законченной книги и поневоле начинаем сомневаться: действительно ли такой писатель работает или только говорит, что работает...

Конечно, и семь лет нельзя считать долгим сроком работы, если в итоге создается прекрасная книга. Хотя даже Тьстой писал «Войну и мир» меньше семи лет, смею высказать предположение, что тут играло роль не только его необыкновенное дарование, но и то, что он все эти годы работал каждый день.

Семь лет не жалко на хороший роман. Но хочется поделиться тревожным чувством, возникающим порой в беседах с людьми, слишком часто говорящими о том, что они, мол, работают, и слишком редко демонстрирующими плоды своей работы. Сам образ жизни этих писателей, слишком частые курортные поездки, способность появляться покуда в любое время дня, — так, что не поймешь, когда же у них бывает святая писательская час, — все это создает ощущение, что, может, и работают эти писатели, но работают так, по возможности, никогда не торопясь, имея «в запасе вечность»...

Когда писатель, создавший одну хорошую книгу, вместо того, чтобы создать вторую хорошую книгу, пренебрегает из дружески в полубездельника, это уже не есть его частное дело, это факт его общественного поведения.

А ведь такие факты не столь уж редки. И именно от ответственной культуры писательского труда вытекают те общественные требования, которые предъявляются в социалистическом обществе к каждому его равному работнику.

почитать себя профессионалом прежде, чем он стал профессионалом в действительности. Успех первой книги зачастую как бы снимает стойкий перед каждым молодым литератором вопрос о необходимости учиться, осваивать культуру писательского труда, который становится его трудом на всю жизнь и в котором он должен быть мастером своего дела. Вот тогда-то постепенно возникает привычка к малым трудам и долгим отбоям от трудов, к работе рынками, смаху, без систематической закладки, без той привычки к дням, неделям и даже месяцам неудач, которые неизбежно постигают писателя в процессе писания книги и которые преодолеваются только систематической работой за письменным столом. При такой работе десятки неудачных страниц привычно вычеркиваются, потому что это в порядке вещей; человек, работающий по-современному, знает, что из трехсот его рабочих дней в году 50 и 100 могут не принести желанной творческой удачи. А вот когда у литератора образуется привычка к работе лярками, только по вдохновению, то ему не так-то просто зачеркнуть десятки написанных страниц, и он слишком часто либо ставит крест на своем замысле и переходит к другому, либо начинает считать плохим хорошим, считая неудачу удачей, утрачивает выскательность, ибо он мало трудится и все, на что затрачено всего несколько его труда, уже по одному этому кажется ему драгоценным.

Писатель у нас нет необходимости быть суетливым и во что бы то ни стало выдавать каждые полгода по книжке. Его книга не подгоняет и не понуждает. Однако можно ли жить в нашей стране, говорить об успехах народа, о великих делах тружеников города и деревни, строящих коммунизм, — говорить, а самому не работать каждый день по крайней мере по восемь часов, как работаем те труженики, о которых мы говорим и о которых мы пишем?!

Без лица советского читателя, любящего литературу, ожидающего от него новых больших дел, должно быть стыдно писателю, который не предьявляет к себе самому тех элементарных требований, какие предъявляются в социалистическом обществе к каждому его равному работнику.

Фото Б. Пушкина

СОВЕТЫ «ДИ ВЕЛЬТ» И ПРЕНИЯ В БОННСКОМ БУНДЕСТАГЕ

Несколько дней назад в боннском бундестаге происходили прения по запросу социал-демократических депутатов о так называемом «деле Иона». В опубликованном вчера центральными газетами заявлениями д-ра Отто Иона отмечается: эти прения показали, что в результате политики Аденауэра «боннская республика» попала в состояние тяжелого кризиса.

Предвидя, что на заседании боннского бундестага в связи с обсуждением этого вопроса могут разгореться страсти, крупная западногерманская газета «Ди вельт» посоветовала депутатам «высказываться возможно более кратко».

Газету тревожили, как мы увидим, не регламент парламентских прений. «Была бы ситуация, когда говорить необходимо, но бывает и такое, — поучала «Ди вельт» депутаты, — когда лучше не говорить. Нам кажется, что в настоящее время налицо ситуация второго рода». Почему? Потому, что в случае пространных и откровенных выступлений по поводу возрождения фашизма в Западной Германии «на улице будет брошено много грязи». А кто из деятелей Бонна, подчеркивала газета, «без грехов»? Ведь «столько тонких занавес с трудом «прикрывают боннскую действительность», и со стороны «снова начинают распознавать и Гитлера, и III империю, и нацистов, и милитаристов», то есть, говоря, видят то, что есть на самом деле...

«ПОБИТЫЕ...» — так озаглавил художник Брамсе этот рисунок, взятый нами из немецкой газеты «Неисе Дайчаунд». На рисунке изображен боннский канцлер Конрад Аденауэр, все перебитый и облепленный пластырем в таком крайнем плачевном состоянии боннского канцлера привели многочисленные неудачи. Надпись на бинтах объясняет, что это за неудачи: поражение аденауэровской партии на выборах в ландтаги земель Северный Рейн-Вестфален и Шлезвиг-Гольштейн; переход в ГДР руководителя «ведомства по охране конституции» Отто Иона и депутата бундестага Шмида-Витмака; провал «европейского оборонительного сообщества»; наконец, выдвинутое свободной демократической партией, входящей в правительственную коалицию, требование об уходе Аденауэра с поста министра иностранных дел.

Однако отнюдь не все в бундестаге прислушалось к этим советам. Правда, многие, критикувшие деятельность аденауэровского правительства, были далеки от того, чтобы осудить боннский режим. И тем не менее Аденауэру пришлось выслушать много горьких истин.

Так, социал-демократический депутат Медис признал, что «старые националистические слухи снова наирают и будут напирать еще больше». Его коллега по партии Менцель указал на широко распространенное мнение о том, что «на пороге Западной Германии стоит новый Гитлер», разоблачил «высокопоставленных лиц», участвующих в реваншистских сговорах и заявляющих: «Неважно, что Германия проиграла».

Эти господа уже сегодня выступают за удаление тех, кто не подходит к боннскому двору. Во время прений в бундестаге депутат от реваншистского «Союза изгнанных и лишенных прав» Гилле потребовал чистки государственного аппарата от служащих, которые были эмигрантами и участниками движения сопротивления. «Таким людям» не место в боннском государственном аппарате, считает этот гитлеровский последователь. Поддержанным своим единомышленниками, в частности членом бундестага принцем цу Левенштейн, который называл эмигрантов-антифашистов «предателями».

Нелья не согласиться с газетой «Ди вельт», когда она свидетельствует, что у боннских политиков «грязные манишки».

Д. У.

2. Еще не совсем стемнело, но Париж уже принял те неповторимые очертания, которые придает ему вечерний сумрак. Синие-серые тени лежали на аллее парка Тюильри и на воду бассейна, в котором всего лишь час назад ребятаки устранивали состязание парусных лодок. Матери повели детей домой, уступая скамейки влюбленным. Снял с мольберта незаконченную картину уличной художник, — вот он идет по садовой дорожке медленной старческой походкой, держа подмышкой свой холст, мольберт и походный раскладной стульчик. Заглянешь фонари...

Мы шли по направлению к Сен-Жерменскому бульвару... В этом районе, некогда изломанном французской аристократией, есть площадь Сен-Жермен де Пре. Она названа так по имени старинной церкви, возвышающейся на холме.

Однако церкви давно уже привлекли соседствовать с порокон. Белые стены церкви Сагра-Кер, венчающие Монмартр, не красуют при виде истерико-портретических увеселений, которым предаются Плас Нигаль и поднимавшиеся к Сагра-Кер бульвары.

На площади Сен-Жермен де Пре находится кафе «Фабр». Два-три года назад оно было обиталищем «эксистенциалистов». Сиему отговорили. Девушки с распушенными, нечесанными волосами, в узких, коротких, по цыцолокату, плотно облегающих ногу брючках и небрежно одетые борзатые молодые люди с нарочитыми заплатыми на штанах, заполнявшие кафе «Фабр» и вызывавшие именованную себя «эксистенциалистами», не имели никакого отношения к Жан Поль Сартру. Во всяком случае проживавший в этом же переулке писатель никак не был в ответе ни за их «форму одежды», ни за экстравагантность их поведения.

Думается, что единственное «откровение», попернутое этой молодежью из «эксистенциализма», заключалось в формуле безнадёжности бытия, вполне укладывавшейся в известный девиз Людовика XV: «Нюде нас хоч потоп», или, говоря по-русски — «пропали все пропало!».

Именно «в такой момент» (!) произносится репли, подобные заявления Майера, его слова были встречены огульным свистом и негодовыми криками.

Как видим, совет «Ди вельт» не выносит сора из избы повис в воздухе. Не могло и грозное предупреждение газеты о том, что, мол, «манишки (боннских политиков) — Д. У.» не настолько чисты, чтобы кто-нибудь мог безнаказанно позволить себе уже сегодня из озорства отделить занавес и спровоцировать принципиальный разговор. Чистой манишки нет — и об этом надо, наконец, сказать открыто...

По многим сподвижники Аденауэра больше и не считают нужным скрывать, что у них «грязные манишки».

Эти господа уже сегодня выступают за удаление тех, кто не подходит к боннскому двору. Во время прений в бундестаге депутат от реваншистского «Союза изгнанных и лишенных прав» Гилле потребовал чистки государственного аппарата от служащих, которые были эмигрантами и участниками движения сопротивления. «Таким людям» не место в боннском государственном аппарате, считает этот гитлеровский последователь. Поддержанным своим единомышленниками, в частности членом бундестага принцем цу Левенштейн, который называл эмигрантов-антифашистов «предателями».

Нелья не согласиться с газетой «Ди вельт», когда она свидетельствует, что у боннских политиков «грязные манишки».

Д. У.

ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА

Александр ЧАКОВСКИЙ

«Трех сестер» и «Винного сада», уже вышедших в свет, закончила работу над биографией Чехова.

Мы долго беседовали под шум воды, падающей на мельничное колесо, — хозяева дома сохранили его.

Арагон и Триоле рассказали мне о книгах ряда молодых французских писателей, содержание которых, может быть, заслуживает критики, но в которых выразилось стремление авторов стать на уровень требований французской жизни. Мы говорили о Пьере Булле, авторе романа «Мост на реке Куан», о Жильберте Сезбронне, написавшем книгу о «рабочих-священниках», о Робере Мерле, авторе романа «Смерть — моя профессия», рассказывающем о карьере написта-убийцы, и о Пьере Гаскаре, чья книга «Година смерти» была недавно отмечена Гонкуровской премией.

Советские литераторы знакомы с процессами, происходящими во французской литературе. Мы знаем о книгах Пьера Куртуа, Маллены Риффо, Эльзы Триоле, Жюльета Маньяна, Пьера Гаммара и других. Эти произведения рассказывают о сегодняшней Франции, о грязной войне в Индо-Китае, они затрагивают проблемы будущего человечества и гибельных последствий, к которым привела бы атомная война, они говорят об американской интервенции в Корее и о судьбах французского крестьянства. Факт появления таких книг — одно из серьезных доказательств тех сдвигов, которые происходят во французской литературе. В Париже, особенно после того, как я прочитал речь Арагона и побеседовал с ним, я почувствовал желание узнать, насколько глубоко эти сдвиги, насколько они идут «вширь», затрагивая различные круги французских писателей. Мне хотелось встретиться с деятелями французского искусства, поговорить с ними, узнать, что волнует их, к чему они стремятся, каковы их планы на будущее, встретиться с ними «запросто», без всякой предвзятости, чтобы в дружеской беседе понять, в чем видят они свое назначение художника. Я хотел увидеть как можно больше «разных», ибо в основе любых культурных связей лежат знание и понимание...

Я посетил Пьера Гаскара за день до его отъезда вместе с делегацией различных французских деятелей в народный Китай. Гаскару 38 лет, он происходит из крестьянской семьи, получил среднее образование, до войны перебрался несколько раз в Париж, работал простым солдатом, попал в плен, дважды пытался бежать, был заключен в концлагерь.

1 мая 1945 года Гаскар вместе с другими заключенными лагеря был освобожден солдатами Советской Армии.

Кое-что Гаскар написал еще до войны, но так и не опубликовал.

Но после войны, вернувшись на родину, так много увидел и так много испытал, Гаскар решил, что у него есть что сказать людям, решил сделать литературу своей главной профессией. И вот в течение нескольких послевоенных лет он написал и издал четыре книги. Последняя и наиболее известная из них — «Година смерти».

Эта немало наумешная во Франции история заключается в том, что некоторые католические священники, решившие стать ближе и сподручнее к прилежным и активным работникам рабочих или на зароды и стали работать у станков вместе с рабочими. Это «оживление» в народе было совсем неожиданным для католических священников. Некие «священники-рабочие» стали принимать все ближе к сердцу интересы рабочих, даже участвовать в забастовках, и все меньше думать о «спасении рабочих душ в доме католической церкви». Поэтому римский папа, ставший благосклонно относиться к движению «священников-рабочих», потребовал прекратить «новшество», а затем священникам, которые не захотят уйти с завод и повзять свои рабочие связи, предложил сложить с себя сан. — Прим. автора.

«Я посвящаю эту книгу сотням учителей, которые так мужественно борются против тирании над умами людей, которые так смело отстаивают право говорить правду и учить правде и которые тем самым вписывают новые энциклопедические страницы в историю славной и отважной борьбы за свободу Америки». Эти слова, идущие от самого сердца писателя-борца, открывают новый роман Говарда Фаста «Сайлес Тимбермен».

ощущение подлинных интересов народа, отращивание к войне и пониманию ее пагубности для его соотечественников.

Выходив из простой трудовой семьи, Сайлес в ранней юности познал труд рабочего. Отказывая себе во многом, его родители добились того, в чем видели цель своей жизни, — их сын Сайлес получил высшее образование и стал преподавателем. Читатель узнает Сайлеса уже немалым человеком — отцом троих детей. У него за плечами около двух десятков лет педагогической работы: он читает курс истории литературы в Клемнтонском университете. У Сайлеса много друзей — он сыпет простым и душевным человеком.

В день, когда начинается роман, Сайлес Тимбермен испытывает на себе первый порыв той бури, которая нагрянет на политическую жизнь его родины. Он узнает о намерении ректора объявить добровольную мобилизацию в отряды гражданской обороны, создаваемые в Америке якобы в целях предотвращения угрозы атомного нападения. Как известно, эта кампания была предпринята правящими кругами Соединенных Штатов с целью запугать мирное население, создать в стране атмосферу военной истерии и, под шумок добившись новых ассигнований на военные нужды, ускорить гонку вооружений. Сайлес Тимбермен далек от политики, его мирок ограничен историко-литературными исследованиями и интересами семьи; поэтому он, разумеется, не отдает себе ясного отчета в том, что это коварный маневр поджигателей новой войны. Однако все же существует протест против той ничтожной, с его точки зрения, шумихи, которая подыята вокруг так называемой «гражданской обороны», тогда как никто и ничто не угрожает мирной жизни его страны. Он решительно отказывается от участия в отряде.

Сам Сайлес не придает своему отказу особого значения. Он всего-навсего искренне высказал свое отношение к неспешной его мнению, затее. Однако в Америке 1950 года этого оказывается достаточно, чтобы навлечь на себя подозрение. Ректор университета осторожно, но настойчиво выискивает у Сайлеса сведения о происхождении фамилии Тимбермен, о его дружеских связях, с пристрастием добывается, что побуждало его год назад подписать воззвание о запрете атомной бомбы.

На очередной лекции по американской литературе Сайлес гордо рекомендует студентам рассказ Марка Твена «Человек, который соврал Гелдибергу», как классический образец сатиры, остроты которой направлено против отвратительного лицемерия и ханжества. В ближайшем же номере студенческой газеты вопрос о популяризации Марка Твена становится предметом дискуссии. В то время, как редактор газеты откровенно вымещает страх перед великим американским сатириком, как перед «оружием коммунистов», в другой статье звучат погромные мотивы — она требует искоренить коммунистические элементы из стен университета и истребить литературу, подобную рассказу Твена.

Дальше события разворачиваются с калейдоскопической быстротой: вызов в сенатскую комиссию, поездка в Вашингтон на допрос, увольнение из университета. Когда семь преподавателей, в том числе и Тимбермен, получают повестки с вызовом в комиссию по расследованию, на первых порах ими овладевает чувство растерянности и слепого страха. Понемному они сменяются острым ощущением товарищества: общая угроза обнимала людей.

Ответа Сайлеса звучат смелым вызовом — в них сквозит негодование, овладевшее его честной и целевой натурой при столкновении с демогогом и изуститом, сенатором Бранниганом. «...Каждое, больше всего на свете я ненавижу невежество, — говорит Сайлес, — невежество и подлость, которые используют его, которые бегают разума и шарахаются от логики... Скоро минует то время, когда победные вав могут вопить всякую ерунду о варварстве и посылать миллионы людей на смерть!.. Не воевать против России, а жить на одной планете с Россией, жить, достигаясь, выживать и наслаждаться — вот единственный путь, который мне известен, сенатор Бранниган, единственный для нас путь, и только так можно ответить...». Сайлесу не дали договорить. Два стражника по приказу сенатора вывели его из зала. Через несколько дней Сайлес и его товарищи получают извещение об увольнении.

Тем временем панка с личным делом Сайлеса Тимбермена в Вашингтоне шумит. Поднята на ноги агентура американского государства. Извлекается на свет множество мелких фактов из жизни честного рабочего американца, и все они под руками пикантного XX века препараются в «обвинительный акт»: здесь и участие в самых безобидных митингах, и жертвование

мелких сумм на помощь антифашистам Испания, и высказывания в среде коллег о демократических традициях в американской литературе.

На дом Сайлеса совершает нападение фашистская газа. Осколками разбитого камня овна тяжело ранен сыншица Сайлеса Уайлс. Долгое время родители не знают, удалось ли вернуть ему зрение.

В тот самый день, когда врачи снимают повязку с лица Уайлса, Сайлеса арестуют. Его обвиняют в ложных показаниях сенатской комиссии. С трудом адвокату Мак Анстеру удается добиться освобождения Сайлеса под залог в пять тысяч долларов. Таких денег у Тимбермена нет. Родители его жены отказываются помочь зитю «коммунисту». Однако силами университетских коллег и студентов деньги собраны. Сайлес на свободе до суда.

Последняя глава романа посвящена описанию судебного фарса, типичного для практики «демократического правосудия» в сегодняшней Америке. Все, начиная с процедуры избрания заседателей и кончая началом приговора судьи на протяжении всего процесса, представляет собой воспроизведение почти со стенографической точностью того, что происходит сейчас в палате заседаний в судебных инстанциях США.

Суд признает Сайлеса виновным в двукратной даче ложных показаний (так расценивает суд отрицание Сайлеса своей принадлежности к компартии) и по совокупности приговаривает его к трем годам тюремного заключения. Великолепная по силе звучавшего в ней гнева, по смелости высказанных мыслей последняя речь подсудимого Сайлеса Тимбермена не оставляет в читателе сомнений, что никакие гонения, никакие репрессии не сломают стойкости духа этого скромного, спокойного, внешне невозмутимого человека.

«Мне долго казалось, что со мной и с моей семьей происходит нечто жестокое и бессмысленное. Но теперь я вижу, что все это неспроста... Я ненавижу войну, и я ненавижу тех, кто готовит войну и смерть... Я не совершил никакого преступления против закона. Но я совершил преступление в глазах тех, кто управляет нашей страной. Мое преступление состояло в том, что я не принял тирании над умами людей, что я не согласен кричать и вопить, подстрекая к безумной и бессмысленной войне. Вы вводите террор, который погубит вас так же, как вы пытаетесь погубить меня, с одной только разницей. Я несприбрен. Это не агитирование. Я — человек скромный, пожалуй, чересчур скромный. Но я на стороне жизни, а вы — на стороне смерти».

Образ Сайлеса Тимбермена, несомненно, главенствует в романе. Однако сила романа еще и в том, что Сайлес не один на своем бурном жизненном пути. Не говоря уже о жене и о ближайших друзьях Сайлеса, автор сумел показать живые связи этих отдельных представителей «второй Америки» с американским народом.

Вместе с тем только перо зрелого мастера реалистического портрета способно на то бесподобное разоблачение, которое достигает Говард Фаст в тех безглагольных, но настолько запоминающихся набросках, которыми запечатлены в романе фигуры представителей официальной империалистической Америки.

Впрочем, высокое мастерство художника-реалиста, в полной мере развернувшееся в его новом произведении, сильнее всего сказалось все же в поразительно по динамичности и по жизненной убедительности образе Сайлеса. Американская литература еще не создавала подобного по своей яркости и полнокровности образа положительного героя, каким является Сайлес Тимбермен.

Роман «Сайлес Тимбермен» — крупный успех американской литературы. Он дает все основания к детальному анализу идейных и эстетических особенностей нового, более зрелого этапа творческого пути одного из крупнейших переводчиков писателя США — Говарда Фаста. В этой статье мне хотелось бы поделиться с читателем с ее содержанием и поделиться своими первыми впечатлениями.

Е.А. РОМАНОВА

проникновение в сущность происходящего, поразительная жизненность и убедительность человеческих образов — все это свидетельствует о настоящей зрелости художника. В союжении с публицистической страстностью, присущей Говарду Фасту, эти особенности его нового произведения означают серьезный шаг вперед в творчестве писателя.

Еще ни в одном произведении, созданном переводными художниками Соединенных Штатов Америки, не проступали с такой ответственностью черты творческого метода, к овладению которым не раз призывал американских писателей и сам Фаст, — метода социалистического реализма.

Роман «Сайлес Тимбермен» отражает не только новый этап в развитии мастерства Фаста. Он свидетельствует также о тех серьезных сдвигах в сознании, которые характерны для американского интеллигентства 1950-х годов. Хотя процесс, происходящий на протяжении романа в сознании его героя, Сайлеса Тимбермена, и рождает его героиней пьесы «Тринадцать серебряников» Джейн Грэхэм, оп в то же время подчеркивает весьма существенные качественные различия между двумя образами.

Протест Джейн рождался из того, что ее честная натура не могла примириться с трусостью и подлостью мужа. Острый конфликт, положенный в основу пьесы, разрешался преимущественно в морально-этическом плане. Лишь в заключительной реплике Джейн слышался намек на пробуждение в ней общественного самознания.

Совсем иным предстает перед читателем герой романа «Сайлес Тимбермен». Он так же поначалу далек от политической жизни страны, так же, будучи постоянным подписчиком «Нью-Йорк таймс», исполнен самых прехватных представлений о Советском Союзе и о событиях на международной арене. Но с самого начала из движет

Член комиссии по расследованию, обращаешь к депрессируемой ни школьной усталостью: — А кроме того, у нас есть сведения, что вы записаны в библиотеке и имеете читательский билет!

Рисунок художника Херблаха из американского журнала «Нейшн»

Новый роман Говарда Фаста

«Я посвящаю эту книгу сотням учителей, которые так мужественно борются против тирании над умами людей, которые так смело отстаивают право говорить правду и учить правде и которые тем самым вписывают новые энциклопедические страницы в историю славной и отважной борьбы за свободу Америки». Эти слова, идущие от самого сердца писателя-борца, открывают новый роман Говарда Фаста «Сайлес Тимбермен».

Процесс пробуждения самознания и готовности к борьбе — такова, по существу, тема этой повести и исключительно важной книги одного из известнейших во всем мире писателей сегодняшней Америки.

Точность изображения жизни, глубокое

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммулятор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б03164.